

BYZANTINA ХРОНИКА

ТОМОС ПРΩΤΟΣ

ВИЗАНТИЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

В. Г. Васильевскаго и В. Э. Регеля
Ординарнаго Академика. Пр.-Док. Слб. Университета.

ТОМЪ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1894.

КОМИССИОНЕРЪ:

С.-Петербургъ.
К. Л. Риккеръ, Невскій пр. 14. | Leipzig.
C. Ricker, Königsberger Str. 20.

О характерѣ и значеніи Эпанагоги.

ОЧЕРКЪ ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКАГО ПРАВА.

Изъ цѣлаго ряда компендіумовъ права, дошедшихъ до насъ отъ византійскаго времени, выдѣляются Эклога, Прохиронъ и Эпанагога во первыхъ своимъ официальнымъ характеромъ — всѣ остальные компендіумы составлены частными лицами—, а во вторыхъ тѣмъ, что они послужили основою почти для всѣхъ остальныхъ. Частные компилиаторы или полагали въ основу составленныхъ ими сборниковъ одинъ изъ официальныхъ компендіумовъ или же составляли своды извлеченій изъ нѣсколькихъ официальныхъ сборниковъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны возникли различные частные Прохироны, Эклоги и Эпанагоги, а съ другой различныя Эклоги, измѣненные по Прохиронамъ, и Эпанагоги, пополненные извлечениями изъ Прохирона (*Epanagoge cum Prochiro composita* по терминологіи Цахаріѣ-Фонь-Лингенталь).

Не смотря на такое значеніе указанныхъ трехъ официальныхъ сборниковъ, въ наукѣ долгое время не могло установиться определенныхъ воззрѣній ни относительно времени ихъ изданія и издавшихъ ихъ императоровъ, ни относительно того, въ какой связи они находятся другъ съ другомъ. Такъ, по господствовавшему въ прежнее время мнѣнію, Эклогу приписывали не Льву Исаврійскому и его сыну Константину, а Льву Мудрому, сыну Василія Македонянина, и его сыну Константину Багрянородному. Далѣе, нѣкоторые изслѣдователи, согласно указаніямъ, находящимся въ введеніяхъ къ Эклогѣ, Прохирону и Эпанагогѣ, приписывали Прохиронъ и Эпанагогу Василію и его сыну Льву, а Эклогу Льву Мудрому и его сыну, другое же, напротивъ того, полагая, что переписчики рукописей нашихъ сборниковъ пере-

мѣшиали заглавія и введенія, относили Эклогу къ законодательной дѣятельности Василія, Константина и Льва, а Прохиронъ къ законодательной дѣятельности Льва Мудраго и его сына Константина. Правильное воззрѣніе, по которому Эклога рассматривается какъ продуктъ законодательной дѣятельности исаврійскихъ императоровъ, а только Прохиронъ и Эпанагога приписываются императорамъ македонской династіи, впервые высказано Бинеромъ и впослѣдствіи развито въ деталяхъ Цахаріѣ-Фонѣ-Лингенталь. Воззрѣніе это въ настоящее время безусловно господствуетъ въ наукѣ. И въ нашей историко-юридической литературѣ оно обстоятельно изложено и подкрѣплено весьма вѣскими данными въ статьѣ проф. Васильевскаго о законодательствѣ иконо-борцевъ (Ж. М. Н. П., часть СХСІХ, стр. 270 слѣд.).

Послѣ того, какъ такимъ образомъ въ общихъ чертахъ было установлено время издания Эклоги, Прохирона и Эпанагоги и определено отношеніе этихъ сборниковъ другъ къ другу, вниманіе ученыхъ преимущественно сосредоточилось на первыхъ двухъ изъ этихъ сборниковъ: ихъ характеръ и значеніе были вполнѣ выяснены и точно, въ подробностяхъ, опредѣлены. Того же далеко нельзя сказать объ Эпанагогѣ. Характеръ этого памятника и послѣ новѣйшихъ изслѣдований, или, лучше сказать, въ особенности послѣ нихъ, остается вполнѣ проблематичнымъ, а его значеніе далеко не выясненнымъ. А именно, до появленія въ свѣтѣ внутренней исторіи греко-римского права Цахаріѣ-Фонѣ - Лингенталь въ наукѣ господствовалъ слѣдующій взглядъ на характеръ и значеніе Эпанагоги. Согласно даннымъ, находящимся въ предпосланномъ нашему памятнику введеніи, Эпанагогу считали вторымъ официальнымъ, т. е. опубликованнымъ какъ законъ, дополненнымъ изданиемъ Прохирона, предпринятымъ Василіемъ Македоняниномъ и его сыновьями соправителями, Львомъ и Александромъ, съ цѣлью согласованія Прохирона съ оконченной около 883 года Василіемъ т. н. ἀναχάθαρσις τῶν παλαιῶν νόμων. Цахаріѣ, предпринявший первое полное и научное изданіе Эпанагоги, первоначально самъ придерживался только что изложенного мнѣнія. Но изученіе положеній Эпанагоги, относящихся къ опредѣленію имущественныхъ отношеній между супругами, привело его къ совершенно оригинальному воззрѣнію, которое онъ и высказалъ въ своей исторіи греко-римского права. Согласно новому взгляду Цахаріѣ, Эпанагога никогда не была опубликована какъ законъ. При Василіѣ, Львѣ и Александрѣ составленъ былъ, правда, проектъ новаго изданія Прохирона, который хотѣли

опубликовать, но не опубликовали названные императоры. Этотъ проектъ и есть Эпанагога. Къ этому мнѣнію Цахаріѣ примкнулъ и Геймбахъ въ исторіи греко-римскаго права, помѣщенной въ Ersch und Grubers Encyclopädie der Wissenschaften (Band 86, Seite 307).

Доводы, приводимые Цахаріѣ въ пользу новаго его взгляда на характеръ и значение Эпанагоги, суть слѣдующіе. Какъ извѣстно, положенія Эклоги, нормирующая имущественныя отношенія супруговъ, рѣзко отличаются отъ положеній Прохирона по этому предмету. Между тѣмъ, какъ постановленія Эклоги не имѣютъ ничего общаго съ Юстиніановыми правомъ, постановленія Прохирона всецѣло заимствованы изъ сего послѣдняго. Объясняется это слѣдующимъ образомъ. Римское право, изложенное въ сборникахъ Юстиніана, подверглось при примененіи на Востокѣ глубокимъ и нерѣдко принципіальнымъ измѣненіямъ. Измѣненія эти свершались подъ влияніемъ обычнаго права и правовыхъ воззрѣній различныхъ народовъ, вошедшихъ въ составъ восточной римской имперіи. Процессъ подобнаго преобразованія римскаго права на Востокѣ начался очень рано, собственно говоря, еще до Юстиніана. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., составленный на Востокѣ въ Сиріи, въ концѣ V столѣтія (въ царствованіе Василиска) [475 — 477], юридический сборникъ, дошедшій до насъ въ сирійскомъ, армянскомъ и арабскомъ переводахъ, и изданный Брунсомъ подъ заглавіемъ «Das Syrisch-römishe Rechtsbuch»¹⁾. Издание Юстиніановыхъ сборниковъ не остановило этого процесса преобразованія. Обычай продолжалъ свою работу претворенія институтовъ римскихъ въ институты византійскіе. Ко временамъ исаврійскихъ императоровъ новая формація права имѣть уже опредѣленный обликъ и въ Эклогѣ получаетъ уже полное признаніе. Въ самомъ заглавіи Эклоги, какъ оно читается по лучшимъ, дошедшімъ до насъ манускриптамъ, указывается на то, что памятникъ этотъ содержитъ не только извлеченія изъ сборниковъ Юстиніана, но и исправленіе правоположеній въ болѣе человѣколюбивомъ направлениі (*καὶ ἐπιδιόρθωσίς εἰς τὸ φιλανθρωπότερον ἔκτενεσα*). Македонская династія стремится къ возвращенію къ чисто римскимъ началамъ Юстиніановыхъ сборниковъ, къ очищенію законовъ отъ примѣси обычнаго права. Работы въ этомъ направлениі и были предприняты уже при Василіѣ Македонянинѣ. Между 870—879 годомъ изданъ быль такъ называемый Ручной за-

1) Сравни также Mitteis, Das römische Recht in den oströmischen Provinzen.

конъ (δ πρόχειρος νόμος). Въ Прохиронѣ византійскій законодатель старается возстановить начала римскаго права въ ихъ чистомъ, неискаженномъ восточными воззрѣніями видѣ. Въ особенности положенія, опредѣляющія имущественные отношенія супруговъ, носятъ явный отпечатокъ свершившагося въ законодательствѣ переворота. А именно, положенія Прохирона объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ всецѣло заимствованы изъ Юстиніанова права. Такимъ образомъ, Эклога и Прохиронъ представляютъ собою двѣ различныя формациіи права. Вотъ почему изслѣдователя, изучающаго составъ Эпанагоги, не можетъ не поразить то обстоятельство, что въ нашемъ памятниѣ, въ титулѣ XIX пері тρογάμου ἡ διὰ γάμου δωρεᾶς, въ главахъ 5—9 излагается сперва ученіе Эклоги объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ, а затѣмъ въ главахъ 12—17 ученіе о томъ же предметѣ Прохирона, причемъ составитель схолій къ Эпанагогѣ, въ находящейся передъ 12 главой вставкѣ, замѣчаетъ, что всѣ слѣдующія главы вставлены здѣсь не какъ принадлежащія къ тексту, т. е. другими словами, не какъ изображающія дѣйствующее право, а только какъ противорѣчущія главамъ 5—9¹⁾). Изъ этого обстоятельства Цахаріѣ выводить слѣдующія заключенія. Если, аргументируетъ онъ, предположить, что, какъ Прохиронъ, такъ и Эпанагога, опубликованы были Василіемъ Македоняниномъ въ качествѣ офиціальныхъ компендіумовъ, то остается совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ Василій, возстановившій въ Прохиронѣ Юстиніаново право, могъ, затѣмъ, въ Эпанагогѣ возвратиться къ совершенно отклоняющемуся и отъ Юстиніанова законодательства и отъ права Прохирона праву Эклоги. Еще болѣе непонятно, по мнѣнію Цахаріѣ, то обстоятельство, какимъ образомъ древній схоласть могъ сказать, что относящіяся къ имущественнымъ отношеніямъ главы Прохирона, изложенные въ главахъ 12—17 Эпанагоги, не были санкционированы какъ законъ. Невыясненнымъ, замѣчаетъ Цахаріѣ, является и то обстоятельство, какимъ образомъ императоръ Левъ Мудрый, вскорѣ затѣмъ узаконившій въ своихъ новеллахъ нѣкоторыя отступленія отъ Юстиніанова права въ духѣ Эклоги и Эпанагоги, никогда не упоминаетъ о сей послѣдней. Выйтіи изъ этого лабиринта

1) Ταῦτα τὰ μέχρι τοῦ τέλους τοῦ τίτλου κεφάλαια οὐχ ὡς ἐγκριθέντα ἐτέλησαν, ἀλλ' ὡσανεὶ μαχόμενα τῷ ε' χαὶ ζ' χαὶ ζ' χαὶ η' χαὶ θ' παρετέθησαν (Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum. Edidit C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae. 1852. p. 180).

противорѣчій можно, по мнѣнію Цахаріѣ, только, признавъ, что Эпанагога представляетъ собою ни болѣе ни менѣе какъ законопроектъ и никода не была опубликована какъ законъ. Даѣе, Цахаріѣ полагаетъ, что Эпанагога только въ видѣ проекта и въ связи съ примѣчаніями схоласти, т. е. одного изъ ревизоровъ проекта, получила распространеніе между правовѣдами того времени и не вытѣснила изъ судебной практики Прохирона. Такимъ образомъ разрѣшается, по мнѣнію Цахаріѣ, и то недоумѣніе, почему императоръ Левъ съ одной стороны пользуется замѣчаніями упомянутаго выше схоласти для изданія новелль, а съ другой нигдѣ въ новеллахъ не упоминается обѣ Эпанагогѣ. Геймбахъ признаетъ предположенія Цахаріѣ вполнѣ вѣрными на томъ основаніи, что, по его мнѣнію, только такимъ образомъ можетъ быть объяснено то обстоятельство, почему преимущественно Прохиронъ, а не Эпанагога, послужилъ источникомъ для Царскихъ книгъ, и почему впослѣдствіи, въ XIV вѣкѣ, Арменопулъ въ основу своего Шестикнижія положилъ пе Эпанагогу, а Прохиронъ. Переидемъ къ разбору и оцѣнкѣ доводовъ Цахаріѣ и Геймбаха.

Что касается первого довода Цахаріѣ, а именно, что трудно допустить, чтобы Василій Македонянинъ, возстановившій въ Прохиронѣ относительно имущественныхъ отношеній супруговъ Юстиніаново право, возвратился въ Эпанагогѣ къ совершенно отклоняющемуся и отъ Юстиніанова права и отъ Прохирона праву Эклоги, то намъ непонятно почему этого нельзя допустить, если признать Эпанагогу официально опубликованнымъ сборникомъ, и почему это допустимо, если нашъ памятникъ считать только законопроектомъ. Вѣдь и внесение права Эклоги, а не Прохирона, въ законопроектъ ясно свидѣтельствуетъ о преобладавшихъ въ данное время въ законодательныхъ сферахъ тенденціяхъ. Если Василій Македонянинъ могъ желать замѣнить право Прохирона правомъ Эклоги, то онъ могъ и узаконить эту замѣну. Даѣе, въ главахъ 5—9 титула XIX Эпанагоги мы не встрѣчаемся съ буквальнымъ заимствованіемъ положеній Эклоги, а съ переработкой этихъ положеній. Въ этомъ легко убѣдиться, сличивъ указанныя мѣста Эпанагоги съ титуломъ II Эклоги, ихъ источникомъ. Самъ Цахаріѣ въ своемъ изданіи Эпанагоги, въ примѣчаніи къ главѣ 5 титула XIX, выражается совсѣмъ иначе, чѣмъ въ исторіи греко-римского права. Онъ не говорилъ тамъ, что Эпанагога по данному вопросу воспроизводить право Эклоги, а только, что положенія

Эпана́гоги напоминаютъ Эклогу¹⁾. Но чѣмъ же объяснить такую непослѣдовательность византійского законодательства? Дѣло объясняется совершенно просто. Во времена изданія Прохирона право, установленное исаврійскими императорами, должно было уступить мѣсто Юстиніанову праву только потому, что оно исходило отъ императоровъ иконооборцевъ, но уже на первыхъ порахъ выяснилась необходимость сохраненія изъ законодательства Исаврійцевъ того, что не имѣло непосредственного отношенія къ догматамъ вѣры. Да оно и не могло быть иначе. Вѣдь Эклога есть только окончательное выраженіе того, что подготавлялось вѣками. Въ этомъ памятникѣ нашель свое завершеніе начавшійся за нѣсколько столѣтій передъ тѣмъ на Востокѣ процессъ преобразованія римского права въ византійское. Вотъ почему императоры македонской династіи, съ большою энергию устранивъ изъ области религіи и церковныхъ дѣлъ всѣ новшества Исаврійцевъ, въ области свѣтскаго права принуждены были согласиться на различные компромиссы. Поэтому они и возвращаются въ Эпана́гогѣ относительно имущественныхъ отношеній супруговъ къ началамъ Эклоги²⁾. Дѣлаютъ это они сознательно, при чѣмъ не въстаиваютъ право Эклоги цѣликомъ, а при заимствованіи видоизмѣняютъ положенія названного памятника, комбинируя ихъ по мѣрѣ возможности съ положеніями Прохирона.

Второй доводъ Цахаріѣ заключается въ томъ, что включеніе въ главы 12 — 17 титула XIX Эпана́гоги положеній Прохирона, принципіально противорѣчущихъ положеніямъ, изложеннымъ въ главахъ 5 — 9 того же титула Эпана́гоги, ясно свидѣтельствуетъ, что Эпана́гога есть не законъ, а только проектъ закона: составители де включили въ проектъ закона и право Эклоги и право Прохирона, представляя законодателю избрать то или другое. Этотъ доводъ падаетъ самъ собою, если обратить должное вниманіе на то, что сказано во вставкѣ, находящейся между 11 и 12 главой титула XIX Эпана́гоги (смотрите выше). Здѣсь сколіасть прямо говоритьъ, что всѣ слѣдующія за одинадцатою главою вплоть до конца титула внесены имъ въ рукопись и не принадлежатъ къ тексту памятника. Слѣдовательно, главъ 12 — 17 въ легальномъ текстѣ не было. Цахаріѣ самъ быть

1) Сравни *Collectio librorum juris graeco-romani in editorum*, p. 122 Anmerk 8: *Cae-terum haec quae sequuntur sex capita Eclogam Leonis et Constantini sapiunt.*

2) Возвращеніе къ началамъ Эклоги было тѣмъ болѣе легко, что памятникъ этотъ не содержитъ никакихъ иконооборныхъ идей или тенденцій.

прежде того же мнѣнія. Въ его изданіи Эпанагоги главы 12—17 напечатаны особымъ шрифтомъ, а въ примѣчаніи 17 на стр. 130 онъ прямо говоритъ, что сказанное въ находящемся между 11 и 12 главой примѣчаніи свидѣтельствуетъ о томъ, что главы 12—17 *hujus tituli Epanagoges proprie non esse*. Правда, Цахаріѣ полагаетъ, что составитель схолій былъ однимъ изъ ревизоровъ законопроекта, именуемаго Эпанагогой, что ему поручено было исправить этотъ проектъ и представить свои на него замѣчанія, что онъ и сдѣлалъ, но что и послѣ этого исправленія проектъ не былъ опубликованъ какъ законъ, а стала обращаться вмѣстѣ съ схоліями ревизора между тогданими юристами. Этимъ Цахаріѣ объясняетъ и то обстоятельство, что однѣ и тѣ же схоліи встречаются во всѣхъ рукописяхъ Эпанагоги. Но и съ этимъ мнѣніемъ Цахаріѣ трудно согласиться. Схоліастъ не только не былъ ревизоромъ проекта Эпанагоги, но даже писалъ свои схоліи позднѣе времени составленія Эпанагоги и совмѣстнаго царствованія Василія, Льва и Александра: ему известны новеллы Льва Мудраго, изданныя этимъ императоромъ послѣ смерти Василія. А именно, къ первымъ словамъ главы 9 титула XIX Эпанагоги «περὶ τῆς ἀπροίκου γυναικός, εἴτε εὐπόρος εἴτε ἀπόρος εἶη» находится слѣдующая схолія: ή νεαρὰ τὴν ἀπροίκον οὐ τὴν εἰ τύχει καὶ εὐπορόν φησι, ἀλλὰ τὴν ἀπόρον· τῇ γὰρ εὐπόρῳ καὶ ἀπροίκῳ οὐδὲν διδωστιν. Упоминаемая въ этой схоліи νεαρὰ есть ничто иное какъ 106 новелла собранія новелль Льва Мудраго¹⁾.

Какъ третій доводъ въ пользу своего мнѣнія, Цахаріѣ приводить слѣдующія соображенія. Если признать Эпанагогу официально опубликованнымъ закономъ, то необъяснимымъ является то обстоятельство, почему Левъ Мудрый, воспользовавшійся схоліями къ Эпанагогѣ, какъ отправною точкою для своихъ новелль, въ сихъ послѣднихъ не упоминаетъ обѣ Эпанагогѣ. Да если бы Эпанагога была закономъ, разсуждаетъ Цахаріѣ, то Льву Мудрому нечего было бы издавать свои новеллы, содержаніе которыхъ тождественно съ содержаніемъ положеній Эпанагоги. Но, въ дѣйствительности, дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ, какъ утверждаетъ Цахаріѣ. Выше мы видѣли²⁾, что были случаи видоизмѣненія положеній Эпанагоги новеллами Льва Мудраго.

1) Сравни *Jus graeco-romanum. Pars III. Edidit Zachariae a Lingenthal, pag. 207. Διάταξις ρε'*.

2) Здѣсь мы подразумѣваемъ измѣненіе, внесенное новеллою 109-ю Льва въ положенія главы 9-ї титула XIX Эпанагоги.

Наконецъ, что касается довода Геймбаха въ пользу мнѣнія Цахаріа, а именно, что, при признаніи Эпанагоги вторымъ официальнымъ изданіемъ Прохирона, совершенно необъяснимо то обстоятельство, почему Арменонуль положилъ въ основу своего шестикнижія не Эпанагогу, а Прохиронъ, то это утвержденіе также не вполнѣ точно. У Арменонула есть цѣлые главы, какъ напр. титулъ IV приложения къ Шестикнижію, заимствованныя изъ Эпанагоги. Кроме того въ толкованіяхъ Арменонула часто прибегаетъ къ Эпанагогѣ, какъ къ источнику.

Для опредѣленія значенія Эпанагоги необходимо, по нашему мнѣнію, обратить вниманіе еще на слѣдующія обстоятельства. Какъ признаетъ самъ Геймбахъ, Эпанагога несомнѣнно послужила источникомъ для Василикъ Льва Мудраго, такъ какъ многія положенія Юстиніанова права, не находящіяся въ Прохиронѣ, но имѣющіяся въ Эпанагогѣ, встрѣчаются въ Василикахъ. Равнымъ образомъ, и составитель т. н. *Synopsis Basilicorum*, сборника конца X вѣка, присоединилъ къ извлеченіямъ изъ Василикъ въ видѣ схолій наиболѣе характерныя изъ положеній Эпанагоги, а именно *положенія о царѣ и патріархѣ*¹⁾. (Сравни *Jus graeco-romanum. Pars V. Synopsis Basilicorum. Edidit Zachariae a Lingenthal, pag. 130, nota 3 и pag. 542, nota 2*). Эти же самыя положенія внесены и въ текстъ другаго синописа Василикъ, т. н. Малаго Синописа (*μικρὸν κατὰ στοιχεῖον*), составленного въ первой половинѣ XIII вѣка. Въ этомъ легко убѣдиться изъ чтенія главъ 21—25 литеры В и главъ 63—66 литеры П, воспроизведящихъ главы 1—5 титула II и главы 1—4 и 8 титула III Эпанагоги. Далѣе и Матвѣй Властарь въ своей Синтагмѣ дѣлаетъ заимствованія изъ Эпанагоги. Замѣчательно, что извлеченія изъ нашего памятника правоположенія приводятся какъ «*у́мош*», т. е. законы. А именно, въ синтагмѣ по отдельнымъ вопросамъ сперва приводятся каноны, а затѣмъ законы, подъ которыми Властарь обыкновенно не подразумѣваетъ извлеченій изъ частныхъ сборниковъ²⁾. Наконецъ, есть данныя, указывающія на то, что Эпанагога

1) Эти положенія весьма удобны были для схолій, такъ какъ они имѣютъ не только законодательный, но и теоретический характеръ.

2) Вотъ что говорить Геймбахъ объ источникахъ Синтагмы Властаря: «Im Allgemeinen beginnen diese Titel (т. е. Синтагмы Властаря) mit kirchenrechtlichen Bestimmungen und endigen, unter der Bezeichnung *у́мош* *політикої*, mit mehr oder weniger wichtigen Auszügen aus weltlichen Gesetzen... Aus den Basiliken sind viele Stellen von Blastares entlehnt, ob aber unmittelbar oder mittelbar ist nicht zu entscheiden. Auch

была переведена на славянскій языкъ. На это указываютъ именно извлечения изъ Эпанагоги, находящіяся въ славянскихъ кормчихъ. Они имѣются и въ нашей печатной кормчей¹⁾). А именно, въ главѣ 36 «отъ указаній божественныхъ писаній, еже не поставляти на мздѣ во священныя чины», въ посланіи патріарха Тарасія къ папѣ Адріану I, вмѣстѣ съ извлечениями изъ правиль Св. Апостоловъ и священнааго писанія, приведенныхъ Тарасиемъ въ подтвержденіе высказанныхъ имъ относительно симоніи положеній, приводятся и извлечения отъ осмыя титлы святыхъ и благочестивыхъ царей Василія, Константина и Леона. Извлечения эти слѣдующія (отъ главы 14): «Яко же клирика котораго любо буди степене, на пѣнзехъ производити не попущаемъ: сице ниже ксенодоха (странныопріемника), или птохотрофа (нищепита-теля), или носокома (о больныхъ пекущася), или иного кого любо буди честнаго дому строителя, или коему любо буди церковному попеченію вручаема. Аще же сie будетъ когда: и даяй и взимай, и ходатай такового священства, сирѣчь, увѣреннаго ему какова любо боуди строенія обнаженъ будетъ. Мздоимствамъ же присвоеномъ быти честному мѣсту, егоже таково лицо хиротонію, или попеченіе, или строеніе взять. Аще ли мирянинъ будетъ взявый, или ходатай бывый, то данное сугубо отъ него взыщется, и паки устроенъ будетъ въ честнѣ мѣстѣ, егоже таково лицо хиротонію или попеченіе прѣять. Таможде (т. е. тамъ же). Повелѣваемъ, аще епископъ ходатайствую-щимъ нѣкимъ, и положеніемъ златникъ поставленъ будетъ: и дающему, и вземлющему, и ходатайствующему, отъ священства, или чести кли-ритскія, по священнымъ правиломъ отверженомъ быти; о таковѣй же винѣ данное, церкви оной присвоено да есть, въ нейже восхотѣ свя-щенство купити. Аще же мирянинъ будетъ, иже за сю вину нѣчто вземъ, или ходатай въ вещи сей бывъ, отъ данныхъ ему пѣнзехъ

ist *überhaupt schwer nachzuweisen*, welche Quellen er wirklich gebraucht hat. Ein gros-ser Theil seiner Rubriken erinnert an die Rubriken des Prochirum des Basilius, andere wieder an die 10 ersten Titel der Ecloga des Leunclavius I. G. R. P. II, p. 79 seq., d. i. an die 10 ersten Titel der Epanagoge. Die *vōmoi* in der Lehre von den Verlōbnissen las-zen sich ganz in dem ersten Titel des Prochirum nachweisen». Слѣдовательно, по мнѣ-нию Геймбаха, Властарь и извлекъ свои *vōmoi* політическіи изъ Василика, Прохирона и Эпанагоги, т. е. изъ официальныхъ, а не частныхъ, сборниковъ и компендіумовъ. (Ersch und Gruber, Encyclopädie, 1 Section, Bd. 86., S. 468).

1) По свидѣтельству барона Розенка и п. ф. (Обозрѣніе кормчей книги, изд. 2, стр. 81), въ рукописныхъ кормчіяхъ содержать означенныя извлечения изъ Эпанагоги. Такъ они заключаются въ кормчей XVI вѣка, принадлежавшей графу Ф. А. Толстому (№ 169, отд. 1. Каталога Толстовскихъ рукописей).

сугубо да истязанъ будеть. *Тъжде таможде.* Епископъ есть назиратель и приг҃ожатель всѣхъ собирающихся въ церкви душъ, сущихъ въ епархии его: власть имѣя посвящати презвитера, діакона, иподіакона, чтеца же, и пѣвца, и мниха. Свойственно есть Епископу смиреннымъ убо сходити, пренебрегати же и презирати гордыхъ и высокомудріе низлагати и о стадѣ бѣды поднимати: и онѣхъ утѣшненіе свою болѣзнь творити». Ничего подобного только что изложеннымъ положеніямъ не находится въ Прохиронѣ Василія, Константина и Льва, изъ котораго, если судить по заголовку, они заимствованы. Напротивъ того, въ Эпанагогѣ положенія эти въ дѣйствительности содержатся, и именно *въ титулѣ восьмомъ*, въ главахъ 13, 15 и 1. То обстоятельство, что Эпанагога издана не Василіемъ, Константиномъ и Львомъ, а Василіемъ, Лвомъ и Александромъ, въ виду полнаго тождества приведенныхъ нами извлечений съ главами 13, 15 и 1 титула восьмаго Эпанагоги, не можетъ служить препятствиемъ къ признанію Эпанагоги источникомъ находящихся въ Кормчей извлеченій, тѣмъ болѣе, что переписчики весьма часто смѣшивали не только имена императоровъ, издавшихъ тотъ или другой сборникъ, но даже самыя предисловія къ сборникамъ. Что относительно Эпанагоги переписчики часто неправильно указывали имена издавшихъ ее императоровъ, и именно называли Василія, Константина и Льва творцами нашего сборника, можетъ быть доказано заголовками находящихся у Леунклавія въ его «*Jus graeco-romanum*», pars I, pag. 296 и 394 извлеченій изъ Эпанагоги, гдѣ говорится: *ἀπὸ τοῦ νομίμου βιβλίου Βασιλείου, Κωνσταντίου, καὶ Λέοντος.* Далѣе, несомнѣнно также, что извлечения изъ Эпанагоги приписаны къ Тарасіеву посланію составителемъ славянской Кормчей, а не самимъ патріархомъ Тарасіемъ, по той простой причинѣ, что этотъ патріархъ жилъ почти за 100 лѣтъ до изданія Эпанагоги и въ дѣйствительности изданный Бевериджемъ (*Συνοδικόν*, Т. II, р. 184 — 185) подлинникъ посланія Тарасія приведенныхъ нами извлеченій не содержитъ. Такимъ образомъ, составитель Кормчей имѣть подъ руками славянскій переводъ Эпанагоги, извлеченіями изъ котораго и пополнилъ выписки изъ источниковъ, находящіяся въ посланіи Тарасія, при чемъ очевидно считалъ Эпанагогу закономъ, изданнымъ святыми и благочестивыми греческими царями. Новое доказательство того, что Эпанагога была опубликована какъ законъ.

Наконецъ, самый характеръ введенія или предисловія къ Эпанагогѣ свидѣтельствуетъ, что нашъ памятникъ былъ не проектомъ за-

кона, а закономъ. Если бы Эпанагога осталась законопроектомъ, то въ введеніи былъ бы помѣщенъ указъ о составленіи этого сборника. Не таково содержаніе введенія, предпосланнаго тексту Эпанагоги. Введеніе это есть ничто иное, какъ указъ объ обнародованіи Эпанагоги, о примѣненіи ея въ судахъ. А именно, въ §§ 1 введенія императоры выражаются объ обязательности Эпанагоги слѣдующимъ образомъ: повелѣваемъ, въ силу нашей самодержавной власти и полновластія, чтобы настоящій законъ властвовалъ надъ всѣми ввѣренными нашему правленію людьми¹⁾). Затѣмъ въ § 3 прямо повелѣвается принять и примѣнить съ должнымъ тщаніемъ и достойнымъ божественнаго повелѣнія образомъ новый законъ. Дѣкасфѣ, говорять императоры, тойтоу тὸν νόμον ὁρθοφρόνως καὶ θεοπρεπῶς ὡς παρὰ θεοῦ γεγονότα.

Высказавъ, такимъ образомъ, наше мнѣніе о характерѣ Эпанагоги какъ закона, а не проекта закона, перейдемъ теперь къ опредѣленію ея значенія въ ряду другихъ источниковъ византійскаго права, ей предшествовавшихъ и слѣдовавшихъ за ней по времени.

Эпанагога относится къ Прохирону не такъ какъ *Codex repetitae praelectionis* Юстиніана къ *Codex vetus* того же императора. Она не просто второе просмотрѣнное изданіе Прохирона. Положенія Прохирона весьма часто, и притомъ радикально измѣняются Эпанагогой. Прохиронъ, въ отличіе отъ Эклоги, воспроизводить чистое Юстиніаново право; только въ титулѣ 39 *περὶ ποιῶν* онъ находится подъ вліяніемъ права Эклоги. Напротивъ того, хотя во введеніи къ Эпанагогѣ и говорится объ отмѣнѣ всяческой флунафії исаврійскихъ императоровъ, тѣмъ не менѣе въ этомъ памятнику мы часто встречаемся съ весьма важными уступками въ пользу началь Эклоги. На одну изъ такихъ уступокъ мы указали выше. Эпанагога, если можно такъ выразиться, служить отправною точкою для дальнѣйшаго движенія въ этомъ направлениі, имѣвшаго мѣсто при императорѣ Львѣ Мудромъ и выразившагося въ его новеллахъ. Затѣмъ, Эпанагога содержитъ цѣлый рядъ титуловъ, не имѣющихъ ни въ Эклогѣ ни въ Прохиронѣ, и трактующихъ объ основахъ государственного и церковнаго строя Византіи. Ни въ одномъ изъ предшествовавшихъ Эпанагогѣ памятниковъ греко-римскаго права не изложено теоретически и систематически ученіе о государствѣ и церковной организації: Эклога и Про-

1) Καὶ τοῦτον τὸν νόμον αὐτοκρατορικῶς τε καὶ παντοκρατορικῶς πάντων τῶν ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν ἡμῶν πιστῶν ἀνδρῶν κρατεῖν κελεύομεν.

хиронъ совершенно не касаются вопросовъ государственного и церковнаго права, а Василики приводятъ отдельныя положенія объ императорѣ Юстиніановыхъ сборниковъ безъ принципіального обоснованія и безъ общихъ опредѣленій. Напротивъ того, Эпанагога даетъ общія опредѣленія царской власти и власти патріарха и изображаетъ полную картину государственного строя Византіи и отношений церкви къ государству. Взгляды Эпанагоги на значеніе власти царя и патріарха и на существоство государственно-церковныхъ отношеній получили затѣмъ широкое распространеніе: они повторяются въ цѣломъ рядѣ составленныхъ впослѣдствіи частныхъ юридическихъ сборниковъ. Ближайшее ознакомленіе съ положеніями государственного и государственно-церковнаго права, содержащимися въ Эпанагогѣ, представляеть поэтому живой интересъ.

Согласно установленной въ предисловіи къ Эпанагогѣ системѣ, учению о государственныхъ и церковныхъ властяхъ и учрежденіяхъ посвящаются первые десять титуловъ. Основой всего общежитія признается право и справедливость, посредствомъ которыхъ, какъ выражаются издавшіе Эпанагогу императоры, законодатель и судья Христосъ, истинный Богъ, повелѣваетъ нами какъ и всеми христіанами (Просіцю Эпанагоги въ изданіи Цахаріа, стр. 64). Такимъ образомъ, закрѣпляется, такъ сказать, юридический характеръ государственного строя. О правѣ и справедливости трактуется титулъ I нашего памятника. Онъ весь составленъ изъ извлечений изъ пандектовъ, находящихся также въ книгѣ II, титулѣ 1 Василикѣ, но не имѣющихъ въ Прохиронѣ. Затѣмъ, въ титулѣ II излагается ученіе о царской власти. Здесь царская власть опредѣляется по существу. На это указываетъ и сдѣланная въ такъ называемой Еpanagoge aucta прибавка къ заголовку этого титула. А именно, въ официальной Эпанагогѣ титулъ озаглавленъ «περὶ βασιλέωφ», а въ Еpanagoge aucta прибавлено: «Τί ἐστὶ βασιλεὺς». Въ титулѣ III составители Эпанагоги помѣстили ученіе о патріаршой власти, какъ объ элементѣ государства, столь же необходимомъ, какъ и царская власть. Далѣе, въ титулахъ IV—VII излагается ученіе о различныхъ властяхъ управлениія подчиненнаго, а въ титулахъ VIII—IX ученіе о церковныхъ властяхъ и должностяхъ священства и первосвятительства (περὶ τῶν ἑκκλησιῶν ἱερατικῶν καὶ ἀρχἱερατικῶν τελετῶν καὶ ἀποκληρώσεων). Подобная система прината, какъ свидѣтельствуютъ сами императоры, издавшіе Эпанагогу, для того, чтобы образно выразить существо-

государственно-церковной организації. Съ этою цѣлью, послѣ устроенія управления тѣломъ, т. е. государствомъ, организовано управление душою, т. е. церковное управление. Оба управления сливаются въ одно цѣлое, подобно тому какъ государство сливается въ одно цѣлое съ церковью. Государство — матерія, церковь — форма¹⁾). Вотъ почему послѣ ученія о царѣ излагается ученіе о патріархѣ, а послѣ ученія о свѣтскихъ властяхъ ученіе о должностяхъ въ церкви.

Основы общественного строя Византіи указаны въ главѣ 7 титула III Эпанагоги, трактующаго о патріархѣ. «Такъ какъ», говорится въ этой главѣ, «государство, на подобіе человѣка, состоить изъ частей и членовъ, то наиважнѣйшими и необходимѣйшими членами являются царь и патріархъ, почему миръ и благоденствіе подданныхъ и зависятъ отъ единомыслія и согласія царской и патріаршой власти». Здѣсь царь и патріархъ разсматриваются, какъ двѣ равныя власти. Рѣчь, само собой разумѣется, идетъ о константинопольскомъ вселенскомъ патріархѣ. На это прямо указывается въ слѣдующей, 8-ой главѣ того же титула, гласящей, что изукрашенный царствомъ константинопольскій патріаршій престолъ признанъ соборными постановленіями первымъ, и что, согласно святымъ законамъ, на разрѣшеніе этого престола представляются возникшія въ другихъ патріархатахъ разногласія. Такимъ образомъ, византійскій общественный строй имѣть двухъ главъ — царя и патріарха. Первый управляетъ тѣломъ, второй душою. Оба суть та мѣгиста καὶ ἀναγκαιότατα μέρη τῆς πολιτείας.

Разсмотримъ, какъ опредѣляетъ Эпанагога характеръ и задачу царской и патріаршой власти.

Царь рассматривается какъ законная главенствующая власть (*ἐννομος ἐπιστασία*), являющаяся общимъ для всѣхъ подданныхъ благомъ, не изъ ненависти наказующая, ниже по дружбѣ награждающая. Царь, какъ беспристрастный рѣшитель споровъ, воздаетъ каждому по его заслугамъ (Epanagoge II, 1). Въ то же самое время одною изъ главнѣйшихъ задачъ царской власти является сохраненіе и умноженіе общественныхъ силъ. Конечное назначеніе (*τέλος*) царской

1) Сравни *Прооіміон* къ Эпанагогѣ въ изданіи Цахаріѣ р. 64. εἰκονικῶς τε-
θείκαμεν, μετὰ τὴν σωματοποίησιν οἰονεὶ τῆς πολιτείας ὥσπερ καὶ τὴν ψυχογονίαν συντά-
ξαντες, ἡκαθάπερ ὅλῃ τῇ πολιτείᾳ τὸ εἴδος ἡγουν τὴν ἐκκλησίαν συντεθεικότες. Здѣсь ясно
высказывается столь распространенное въ средніе вѣка возарѣніе на отношеніе го-
сударства къ церкви, какъ на отношеніе тѣла къ душѣ, матеріи къ формѣ.

власти состоять въ томъ, чтобы творить добро, почему царь и называется благодѣтелемъ (*εὐεργέτης*). Когда дѣятельность царя относительно творенія добрыхъ дѣлъ ослабѣваетъ, то самая природа царской власти извращается (Epanagoge II, 2 и 3). Царь есть судія и хранитель божественного и свѣтскаго права, всего того, что написано въ священномъ писаніи, что установлено какъ догмать семью вселенскими соборами и что опредѣлено римскими законами. Наконецъ, наиважнѣйшою обязанностью царя признается защита правовѣрія и благочестія. Составители Эпанагоги въ особенности останавливаются на этой сторонѣ царской власти. Въ главѣ 5 титула II подробно опредѣляется какъ царь долженъ вѣровать въ Святую Троицу, какъ исповѣдовать воплощеніе Господа Нашего Иисуса Христа и соединеніе во Христѣ двухъ природъ, божеской и человѣческой, и, соотвѣтственно этому, двухъ волей и двухъ потенцій. Царь между всѣми долженъ выдаваться своею ревностью о Богѣ.

И такъ, резюмируя сказанное, царь есть законодатель, высшій правитель и судія людямъ, а по отношенію къ церкви хранитель благочестія и правовѣрія. Царь, по отношенію къ подданнымъ, пользуется неограниченной властью, но власть эта находитъ предѣлъ въ религіозномъ и нравственномъ законѣ, установленномъ Верховнымъ Законодателемъ и Судію, Христомъ.

Остальная семь главъ II титула о царѣ заимствованы изъ пандектовъ, относятся главнымъ образомъ къ объясненію и примѣненію законовъ со стороны царя и болѣе или менѣе воспроизводятъ текстъ соотвѣтствующихъ пандектныхъ фрагментовъ. Замѣчательно только отклоненіе отъ пандектного текста въ главѣ седьмой. Глава эта составлена изъ двухъ пандектныхъ фрагментовъ, а именно изъ фрагмента 37 и 14 Dig. I, 3. Въ первомъ изъ этихъ фрагментовъ говорится: *si de interpretatione legis quaeratur in primis inspiciendum est, quo jure civitas retro in ejusmodi casibus usa fuisset; optima enim est legum interpres consuetudo*, а во второмъ: *quod vero contra rationem juris receptum est, non est producendum ad consequentias*. Составители Эпанагоги слили эти два фрагмента въ одну главу, причемъ выраженіе «*contra rationem juris*» замѣнили выраженіемъ «*παρὰ κανόνας*», т. е. противъ каноновъ, и изложили все правило слѣдующимъ образомъ: *ἐν τῇ τῶν νόμων ἐρμηνείᾳ δεῖ καὶ τῇ συνηθείᾳ προσέχειν τῆς πόλεως· τὸ δὲ παρὰ κανόνας εἰσαγάγμενον σύκη ἔσται πρὸς ὑπόδειγμα*, т. е. при объясненіи законовъ слѣдуетъ прибѣгать и къ обычаю, но то, что введено

въ противность канонамъ, не можетъ служить образцомъ. Такимъ образомъ, древній римскій юристъ Павсль, изъ сочиненія котораго сдѣлано извлеченіе въ frag. 14. Dig. I, 3, говоритъ о томъ случаѣ, когда что либо установлено *contra rationem juris*, а составители Эпанагоги примѣнили это къ тому случаю, когда что либо введено въ противность канонамъ. Сдѣлано это ими не по простому непониманію значенія употребленнаго въ пандектахъ термина, а вполнѣ сознательно. Они хотѣли этимъ выразить, что правообразующая дѣятельность государства и общества не распространяется на область отношеній, регулируемыхъ церковью. Въ этой области каноны имѣютъ абсолютное значение: все, что введено закономъ или обычаемъ гражданского общества въ противность священнымъ правиламъ, не можетъ служить образцомъ. Мало того, составители Эпанагоги выразили этимъ еще ту мысль, что каноны церкви, въ качествѣ божественного закона, выше нормъ права свѣтскаго. Замѣчательно, что Василики приводятъ фрагментъ 14 D. I, 3 съ тѣмъ же измѣненіемъ, которое принято Эпанагогой (Bas. L. II, tit. 1, th. 24).

Такимъ образомъ, главы титула о царѣ, въ которыхъ опредѣляются основные черты царской власти и выясняется существо сей послѣдней, написаны, такъ сказать, вновь. Ничего подобнаго мы въ римскихъ и греко-римскихъ памятникахъ, предшествовавшихъ Эпанагогѣ, не встрѣчаемъ. Только детальная положенія о толкованіи и примѣненіи права царемъ Эпанагога заимствуетъ изъ пандектовъ, при чёмъ, какъ мы сейчасъ видѣли, тамъ, где нужно, принципіально измѣняетъ первоначальный смыслъ этихъ положеній.

Титуль о патріархѣ является вполнѣ самостоятельнымъ произведеніемъ составителей Эпанагоги. Здѣсь ни одна глава не заимствована изъ предшествовавшихъ памятниковъ.

Высоко по Эпанагогѣ положеніе вселенскаго патріарха новаго Рима. Мы видѣли выше, что глава 8 титула III признаетъ патріарха членомъ церковно-государственной организаціи равнымъ царю. Въ такомъ же направленіи опредѣляется значеніе вселенскаго патріарха и другими главами разбираемаго нами титула. Патріархъ, говорится въ главѣ 1-ой этого титула, есть живой и одушевленный (έμψυχος) образъ Христа, дѣлами и словами выражаютій истину. Затѣмъ въ послѣдующихъ главахъ, подобно тому, какъ это дѣлается въ титулѣ II относительно царской власти, опредѣляются обязанности, цѣли и свойства патріаршой власти. Обязанностью патріаршой власти при-

знается: во первыхъ, сохранять въ благочестіи и нравственной строгости жизни ввѣренныхъ ему оть Бога людей, затѣмъ всѣхъ еретиковъ (а еретиками, какъ въ законахъ, такъ и въ канонахъ называются и тѣ, которые не имѣютъ общенія съ каѳолическою церковью), насколько возможно, обращать къ православію и единенію съ церковью, и, наконецъ, невѣрныхъ посредствомъ увлеченія свѣтлымъ и чуднымъ своимъ дѣяніемъ сдѣлать подражателями вѣры (Epanagoge III, 2). Цѣлью существованія патріаршой власти выставляется Эпанагогой спасеніе ввѣренныхъ патріарху душъ, жизнь во Христѣ и сораспинаніе миру (Epanagoge eodem titulo. 3). Свойства патріаршой власти опредѣляются слѣдующимъ образомъ: патріарху свойственно быть учительнымъ, ко всѣмъ относиться одинаково, какъ къ высокимъ, такъ и смиреннымъ, быть кроткимъ при отправленіи правосудія, обличительнымъ относительно непокоряющихся, въ защиту же правды и догматовъ говорить, не смущаясь, предъ лицемъ царя.

Подобно тому, какъ царю принадлежитъ толкованіе нормъ права, патріарху, и только ему, принадлежитъ истолкованіе правилъ, установленныхъ святыми отцами и святыми соборами (Epanagoge ibidem 5). Эпанагога, въ главахъ 6 и 7 титула III, устанавливается детальные правила относительно толкованія и примѣненія каноновъ патріархомъ.

Все только что изложенное относится къ вселенскому патріарху новаго Рима. Другіе патріархи не имѣютъ того значенія, которое усвоено Эпанагогой константинопольскому ($\tau\varphi\; \chi\omega\nu\sigma\tau\alpha\nu\tau\iota\omega\nu\pi\omega\lambda\epsilon\omega\varsigma\;\pi\rho\sigma\delta\varrho\varphi$). Остальные патріархи суть только *мѣстные іерархи*. Они такъ и называются въ Эпанагогѣ. «Забота и попеченіе о всѣхъ мѣтрополіяхъ и епископіяхъ, монастыряхъ и церквяхъ», говорится въ главѣ 10 титула III, «а также судъ и преданіе суду и освобожденіе отъ суда принадлежать мѣстному патріарху ($\tau\varphi\; \sigma\lambda\kappa\epsilon\iota\omega\varsigma\;\pi\alpha\tau\iota\alpha\varphi\chi\mu\;\alpha\eta\alpha\kappa\epsilon\iota\tau\alpha\iota$), константинопольскому же предстоятелю дозволено и въ предѣлахъ другихъ престоловъ не только давать ставропигіи, но и наблюдать и исправлять возникающія разногласія и полагать предѣлы судамъ». Такимъ образомъ, вселенскій патріархъ, въ отличіе отъ другихъ патріарховъ, имѣеть право наблюденія и суда во всѣхъ патріархатахъ. Согласно главѣ 2 титула III онъ является единственнымъ и исключительнымъ судьею и посредникомъ во всѣхъ дѣлахъ, относящихся къ покаянію и обращенію отъ грѣховъ и ересей. Слѣдовательно, онъ признается какъ бы патріархомъ надъ патріархами.

Идея, нашедшая выражение во введеніи къ Эпанагогѣ и въ только что приведенныхъ положеніяхъ, суть слѣдующія. Верховнымъ законодателемъ, судіею и правителемъ церковно-государственного организма является самъ Господь Иисусъ Христосъ. Органами и представителями его на землѣ являются царь и патріархъ. Царь управляетъ мірскимъ обществомъ по законамъ. Царь устанавливаетъ законы и толкуетъ ихъ. Законы не могутъ противорѣчить канонамъ. Царь не устанавливаетъ доктрины. Напротивъ того, его законодательная власть находится предѣль въ доктринахъ и канонахъ. Эпанагога прямо указываетъ, какъ царь долженъ вѣровать и что онъ долженъ исповѣдовывать. Относительно церкви онъ является покровителемъ, блюстителемъ правовѣрія и хранителемъ доктрины (въ смыслѣ ихъ неизмѣнности). Патріархъ управляетъ церковью на основаніи каноновъ. Ему принадлежитъ исключительное право толкованія сихъ послѣднихъ. Онъ долженъ безбоязненно свидѣтельствовать объ истинѣ даже предъ царемъ. Церковно-государственное общество управляется совмѣстною и находящеюся въ единомысліи и единодушіи дѣятельностью царя и патріарха.

Подобное определеніе отношеній царя къ патріарху и церкви не соотвѣтствовало прежнимъ византійскимъ традиціямъ, въ особенности тѣмъ, которыя выработались въ періодъ иконоборцевъ. Императоры-иконоборцы законами опредѣляли доктрины и ученія церкви. Такъ, Левъ Исавръ указомъ отмѣняетъ поклоненіе св. иконамъ¹⁾. Онъ считаетъ себя облеченнымъ священствомъ²⁾. Эпанагога иначе смотритъ на царя. Царь участвуетъ во внѣшнемъ управлениі церковью, онъ охраняетъ доктрины, но онъ не имѣеть священства. Определеніе отношенія царства къ священству въ Эпанагогѣ скорѣе соответствуетъ тѣмъ воззрѣніямъ на этотъ вопросъ, которыя выражены въ обличительномъ посланіи папы Григорія II къ Льву Исавру, чѣмъ прежнимъ византійскимъ традиціямъ³⁾.

1) Anastas. Vitae c. 90. Iussionibus... missis decreverat imperator (т. е. Левъ Исавръ), ut nulla imago cuiuslibet sancti aut martyris aut angelii ubicunque habereatur. Сравни Zachariae v. Lingenthal, Gesch. des griechisch-рѣмischen Rechts. 3-te Ausgabe. 1892. p. 16.

2) Въ письмѣ къ папѣ Григорію II Левъ Исавръ пишетъ: познай, о папа, что я царь и священникъ въ одномъ лицѣ. Ср. Mansi, Collectio conciliorum, T. XII, p. 976 sequentes.

3) Папа пишетъ Льву Исавру: Твой грубый умъ воина вполнѣ достаточенъ для управлениі государствомъ, но онъ недостаточенъ для дѣлъ духовныхъ. — Подобно тому, какъ первосвященникъ не имѣеть права вмѣшиваться въ дворцовые дѣла, и

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, кого слѣдуетъ считать авторомъ только что изложеннаго ученія о царской и патріаршой власти и теоріи дуализма въ церковно-государственной организаціи Византіи. Уже Цахаріѣ въ пролегоменахъ къ изданію Прохирона (р. LXXXIII) высказываетъ предположеніе, что извѣстный патріархъ Фотій принималъ участіе въ составленіи Эпанагоги. Такого же мнѣнія придерживается и Гергенрѣтеръ въ своемъ сочиненіи о патріархѣ Фотіѣ (Hergenröhler, Photius. B. II, Seite 589). И въ дѣйствительности, въ одной изъ рукописей (Codex Bodleianus 173 двѣнадцатаго вѣка) такъ называемой Epitome legum въ 50 титулахъ, частнаго сборника, составленнаго въ первый годъ царствованія Романа Лакапена, находятся двѣ схоліи къ главѣ 28 титула I, воспроизведяющія слово въ слово¹⁾ содержаніе главъ 1 и 2 титула II Эпанагоги, трактующихъ о характерѣ и задачахъ царской власти, и приписанныя Фотію. При этомъ, Фотій опредѣлилъ и обрисовалъ царскую власть согласно тому воззрѣнію на эту власть, которое установилось въ твореніяхъ св. отцевъ и учителей церкви. Самыя слова, которыми начинается въ Эпанагогѣ опредѣленіе царской власти, а именно «βασιλεύς ἐστιν ἔννομος ἐπιστασία» заимствованы изъ слова Василія Великаго на псаломѣ XXXII²⁾, гдѣ читаемъ: ώρίσαντο δέ τινες βασιλείαν εἶναι τὴν ἔννομον ἐπιστασίαν, η τὴν ἐπὶ πᾶσιν ἀρχὴν ἀνυπεύθυνον ἀμαρτίᾳ. Какъ мы видѣли выше, царь является общимъ благомъ для всѣхъ подданныхъ, законною, т. е. дѣйствующею и управляющею на основаніи законовъ (ἔννομος) властью. Въ этомъ же смыслѣ употребляютъ и отцы церкви квалификацію «ἔννομος» относительно царской власти. Максимъ Исповѣдникъ, приводя опредѣленіе царской власти, данное Василіемъ Великимъ, такъ объясняетъ это опредѣленіе: «Царство есть законное государство, а потому издаваемыя царемъ, достойныя этого имени, повелѣнія вполнѣ заключаютъ въ себѣ элементъ правомѣрный, а именно тѣ повелѣнія, кото-

ты не долженъ вторгаться въ область церкви... Каждый изъ насъ да останется при томъ признаніи, которое опредѣлилъ ему Господь. Gfröger, Byzantinische Geschichten. Band II, Seite 305.

1) Только окончаніе первой схоліи представляетъ незначительный варіантъ сравнимо съ окончаніемъ главы 1 титула II Эпанагоги. Схолія оканчивается слѣдующимъ образомъ.... ἀλλ' ἀναλόγως τοῖς τῶν ἀρχομένων ἀρεταῖς ὥσπερ τις ἀγωνοθέτης τὰ βραβεῖα παρεχόμενος, а соответствующее мѣсто Эпанагоги такъ.... ἀλλ' ἀναλογός τις ἀγωνοθέτης τὰ βραβεῖα παρεχόμενος.

2) Сравни Migne, Patrologiae cursus completus, series Graeca. T. XXIX, col. 345.

рыя обращены къ общему всѣмъ благу, а не тѣ, которыя изданы въ виду личной пользы. А именно, этимъ-то и отличается тиранъ отъ царя, что первый имѣть въ виду всегда собственный интересъ, а второй печется о пользѣ управляемыхъ¹⁾). Въ этомъ выясненіи существа царской власти съ одной стороны сказалось близкое знакомство съ учениемъ Аристотеля о правомѣрныхъ и неправомѣрныхъ, нормальныхъ и аномальныхъ формахъ правленія, а съ другой стороны вполнѣ ясно обрисованъ христіанскій идеалъ царя, несущаго великое служеніе передъ Господомъ въ постоянномъ попеченіи о благѣ вѣренныхъ ему людей. И вотъ этотъ давно сложившійся въ церкви идеалъ царя и положенья въ основу главы 3 титула II Эпанаагоги, гдѣ задачею царской власти выставляется твореніе блага подданнымъ, почему царь и называется благодѣтелемъ. «По мнѣнію древнихъ», говоритъ Эпанаагога, «самая природа царской власти извращается, когда дѣятельность царя относительно творенія добрыхъ дѣлъ ослабѣваетъ». Авторомъ этой главы Эпанаагоги, какъ то засвидѣтельствовано схоліей 2 къ главѣ 28 титула I Epitome legum въ 50 титулахъ, является Фотій, выразившій здѣсь древне-церковныя воззрѣнія на царскую власть.

Что касается находящагося въ Эпанаагогѣ опредѣленія отношенія царской власти къ власти патріарха, то оно можетъ также безошибочно быть приписано Фотію. Права и обязанности патріарха опредѣлены въ Эпанаагогѣ совершенно соответственно стремленіямъ и характеру Фотія. Дѣйствуя въ полномъ единомысліи и единодушіи съ возстановившимъ его въ патріаршемъ санѣ императоромъ, Фотій тѣмъ не менѣе стремится къ обоснованію самостоятельности патріаршой власти въ дѣлахъ церковныхъ; даже болѣе, онъ старался пріобрѣсти вліяніе и на свѣтскія дѣла, такъ что ему сдѣланъ даже былъ упрекъ въ томъ, что онъ желалъ присвоить себѣ свѣтскую власть²⁾). Въ особенности ревностно стоялъ Фотій за то право учительства,

1) Migne, Patr. cursus comp., ser. graeca. T. XCI, col. 776. Maximus Confessor, sermo IX: Βασιλείου. Βασιλεία ἐστιν ἔννομος ἐπιστασία. Αἱ οὖν παρὰ βασιλέως διδόμεναι ὑποθῆκαι, τοῦ γε ἀληθῶς τῆς προσηγορίας ταύτης ἀξίου, πολὺ τὸ νόμιμον ἔχουσι, τὸ κοινὴ πᾶσι λυσιτελὲς σκοποῦσαι, καὶ οὐχὶ πρὸς τὸν σκοπὸν τῆς ἰδίας ὠφελείας συντεταγμέναι. Τοῦτο τὰρ διαφέρει τύρχνος βασιλέως διτὶ ὁ μὲν τὸ ἐαυτοῦ πανταχόθεν σκοπεῖ· ὁ δέ, τὸ τοῖς ἀρχομένοις ὠφέλιμον ἐκπορίζει.

2) Stylian. epist. 1 ad Steph. (Mansi, Coll. Max. Conc. XVI, 432) καὶ πολιτικὰς φροντίδας τὶς ἐαυτὸν ἀνελάβετο καὶ οὕτω καὶ αὐτὴν τὴν βασίλειον ἐξουσίαν ὑφαρπάσαι ἐπειρᾶτο. Cp. Hergenröther, Photius, II, p. 589, прим. 98.

обличенія и вѣщанія истины передъ царями въ защиту докторовъ, правды и благочестія, о которомъ говоритьъ Эпанаагога въ главѣ 4-ой титула III. Фотій принципіально признавалъ за патріархомъ это право, обосновывая его указаніемъ на то, что, если грѣхи князей и властей остаются безъ обличенія, то народъ легко впадаетъ въ со-блазнъ подражанія имъ, а, при достаточномъ обличеніи главенствую-щихъ лицъ, онъ, т. е. народъ, воздерживается отъ зла¹⁾). Николай Мистикъ, ученикъ Фотія, черезъ десять лѣтъ послѣ него занявшій патріаршій престолъ, въ спорѣ съ императоромъ Львомъ Мудрымъ по поводу заключенія симъ послѣднимъ четвертаго брака, дѣйствительно проявляетъ эту власть учительства и обличенія. Онъ выражается почти словами Фотія и утверждаетъ, что никто не будетъ соблюдать законы, когда императоръ самъ столь противозаконно дѣйствуетъ. При этомъ патріархъ настаиваетъ на правомѣрномъ характерѣ царской власти. «Царь», говоритъ онъ, «называется неписаннымъ закономъ не потому, чтобы онъ творилъ беззаконія, а потому что онъ долженъ быть въ своихъ неписанныхъ дѣяніяхъ таковыимъ, каковъ писанный законъ (ἀλλ’ ὅστε τοιοῦτον εἶναι διὰ τῶν ἑργῶν αὐτοῦ τῶν ἀγράφων, οἵος δὲ νόμος δὲ γραφος)²⁾). Все это въ духѣ Фотія и Эпанаагоги. Равнымъ образомъ, идея равноправности священства съ царствомъ, столь ясно выраженная въ Эпанаагогѣ, проглядываетъ и въ грамотѣ отрѣ-ченія отъ патріаршества Николая Мистика³⁾, этого ученика Фотія. Здѣсь прежде всего говорится, что великий и небесный сей даръ (т. е. патріаршная власть) полученъ отрекающимся исключительно божію милостью⁴⁾), а затѣмъ указывается на то, что патріархъ покидаетъ свой престолъ, вынужденный къ тому дѣяніями царя, ставящими его, т. е. патріарха, въ невозможность управлять церковью. Но архіерей-ства отрекающійся патріархъ съ себя не слагаетъ (μὴ τῆς θείας ἐξιστά-μενος ἀρχιερωσύνης). Съ теченіемъ времени принципъ равноправности патріаршой власти съ царскою, не смотря на то, что въ дѣйствительности священство въ Византіи все болѣе и болѣе подчинялось цар-ству, признанъ бытъ основнымъ началомъ византійскаго государ-ственного и церковнаго строя. Явныя отступленія отъ этого начала

1) Amph. q. 808, гдѣ разбирается вопросъ, почему Предтеча Господень порицаетъ Ирода.

2) Hergenröther, Photius. B. III, Seite 657 и 658.

3) Lambros, Abdankungsurkunde des Patriarchen Nicolaos Mysticus въ Byzanti-nische Zeitschrift. B. I. Heft 3—4, Seite 551.

4) Μόνη χάριτι θείᾳ τὸ μέγα τοῦτο καὶ οὐράνιον δώρημα λαβών.

разсматривались какъ нарушенія божескаго закона. Такъ смотрѣли, напр., на указъ императора Никифора Фоки, повелѣвшаго, чтобы ни одно церковное дѣло не рѣшалось безъ окончательнаго утвержденія царемъ¹⁾). Когда затѣмъ, по убиеніи Никифора Фоки въ 969 году, Ioannъ Цимисхій сталъ требовать отъ патріарха Поліевкта коронованія, сей послѣдній заявилъ, что Ioannъ не можетъ войти въ церковь, прежде чѣмъ не накажетъ убійцъ Фоки и *не отмѣнитъ указа сего послѣдняго о духовныхъ дѣлахъ*. Только послѣ того, какъ Цимисхій согласился на эти условія, онъ былъ коронованъ патріархомъ. По смерти Поліевкта Цимисхій, въ рѣчи, произнесенной имъ по поводу замѣщенія патріаршаго престола, разграничивается область царства и священства согласно началамъ, установленнымъ въ Эпанагогѣ. Творецъ, по словамъ Цимисхія, вручилъ управлѣніе тѣломъ царству, а попеченіе о душахъ священству во сохраненіе частей и во спасеніе цѣлаго²⁾). Впрочемъ, и Эпанагога и позднѣйшее правосознаніе признаютъ за православнымъ царемъ извѣстныя правомочія въ церковныхъ дѣлахъ. Въ дѣлахъ виѣшняго церковнаго строительства царь пользуется правомъ наблюденія, руководительства и утвержденія.

Наконецъ, столь ясно и опредѣленно высказанное въ Эпанагогѣ возврѣніе о томъ, что царь и патріархъ суть равно необходимые члены церковно-государственного тѣла, подтверждается и въ позднѣйшихъ византійскихъ церковно-юридическихъ памятникахъ. Такъ, въ грамотѣ константинопольскаго патріарха Антонія IV къ великому князю Василію Дмитревичу (*Acta patriarch. Constantinop. t. II, p. 188 и 192*)³⁾ говорится, что для христіанъ невозможно имѣть церковь и не имѣть царя.

Мы видѣли выше, что, въ главѣ о патріархѣ, Эпанагога опредѣляетъ, собственно говоря, не власть патріарха вообще, а власть константинопольскаго патріарха, возвышая его надъ всѣми другими.

1) *Leo Diaconus VI, 4, p. 98—99* (у Hergenrðther'a, Photius III, 717). 'Ο γὰρ Νικηφόρος, εἴτε τὰ θεῖα πρός τινων τῶν ἱερέων κινούμενα βουλόμενος διορθοῦν, ὡς φέτο, εἴτε κατεξουσιάζειν καὶ τῶν ἱερῶν, ὅπερ ἔκσπονδον ἦν, τόμον σχεδιάσκαι τοὺς ἱεράρχας κατεβίάσκατο, μήτι τῶν ἐκκλησιαστικῶν πραγμάτων ἐκτὸς τῆς ἑκείνου ροπῆς ἐνεργεῖν.

2) *Leo Diaconus VI, 7, p. 101 и 102*. Δύο ἀρχὰς τὰς ἐν τῷδε τῷ βίῳ γινώσκω καὶ τῇ κάτεω περιφορῇ, ἱερωσύνῃ καὶ βασιλείᾳ, ὃν τῇ μὲν τὴν τῶν ψυχῶν ἐπιμέλειαν, τῇ δὲ τὴν τῶν σωμάτων κυβέρνησιν ἐνεχείρισεν ὁ δημιουργός, ὡς ἂν μὴ τούτων χωλεύσοιτο μέρος, ἀρτιόν τε καὶ ὀλόχληρον διασώζοιτο.

3) А также русская историческая библиотека. т. VI, стр. 265—276.

Это вполнѣ соотвѣтствуетъ воззрѣніямъ Фотія, раздѣлявшаго сложившееся тогда въ Византіи мнѣніе о перенесеніи вмѣстѣ съ царствомъ не только всѣхъ преимуществъ въ области политической, но и въ области церковной со старого Рима на новый¹⁾). Патріархъ Константинополя потому является первенствующимъ, что онъ занимаетъ святительскій престоль города, изукрашенного царствомъ. Тотъ же мотивъ приводится и въ Эпанагогѣ для обоснованія примата константинопольскаго патріарха. Слѣдовательно, и здѣсь нашли себѣ въ Эпанагогѣ выраженіе убѣжденія и воззрѣнія Фотія, котораго его приверженцы называли патріархомъ патріарховъ и первосвященникомъ первосвященниковъ²⁾). Такой взглядъ есть своеобразное воззрѣніе Фотія и его приверженцевъ. Вообще у грековъ преобладало иное воззрѣніе, согласно которому всѣ пять патріарховъ считались равными другъ другу. Греки сравнивали церкви съ тѣломъ человѣка, а пять патріарховъ съ пятью чувствами. Въ этомъ смыслѣ Феодоръ Студитъ и говорить о «τὸ πενταχόριφον σῶμα τῆς ἐκκλησίας»³⁾. Съ течениемъ времени, однако, на востокѣ все болѣе и болѣе признается первенство *вселенскаго* константинопольскаго патріарха.

Послѣдующее время развиваетъ начала, изложенные Фотиемъ въ Эпанагогѣ. Византія является церковно - государственнымъ тѣломъ съ двумя главами — *вселенскимъ патріархомъ и вселенскимъ царемъ*. По воззрѣнію грековъ, это церковно - государственное тѣло постепенно должно обнять собою весь православный міръ, а вселенский патріархъ и вселенский царь должны стать въ дѣйствительности патріархомъ и царемъ всѣхъ православныхъ христіанъ во всей вселенной. Правители другихъ странъ и народовъ православныхъ никогда не могутъ сравниться по достоинству и правамъ относительно церкви съ святымъ царемъ самодержцемъ «спекущимся о вѣщемъ строительствѣ церкви во всей вселенской». Они суть только мѣст-

1) Amph. q. 184 с. τῆς παλαιᾶς Ῥώμης ἡ νέα τὸν κληρον ὑπῆλθε καὶ κοινὸν ἐκτήσατο τὸ κράτος.

2) Сравни Libellus episcop. in Act. II Conc. VIII у Mansi, Coll. Max. Conc. XVI, p. 39. О такихъ воззрѣніяхъ Фотія и его приверженцевъ говорить и папа Николай въ посланіи 70 къ Гинкмару: Sed quid mirum si hoc isti praetendunt, cum etiam gloriantur atque perhibeant, quando de Romana urbe Imperatores Constantinopolim sunt translati, tunc et primatum Romanae sedis ad Constantinopolitanam ecclesiam transmigrasse, et cum dignitatibus regiis etiam Ecclesiae Romanae privilegia translata fuisse, ita ut ejusdem invasor ecclesiae Photius etiam ipse se in scriptis suis archiepiscopum atque universalem patriarcham apellet.

3) Сравни Hergenröther, Photius, II, p. 143.

ные властители и въ области церковныхъ дѣлъ воля ихъ должна подчиняться вселенской волѣ святаго самодержца. Прекрасно развиты и мотивированы эти положенія въ упомянутой уже нами грамотѣ Антонія IV къ великому князю Василію Дмитревичу. «Съ огорченiemъ слышу еще», пишетъ патріархъ великому князю¹⁾, «что твоимъ благородiemъ сказаны нѣкоторыя слова и о высочайшемъ и святомъ самодержцѣ-царѣ. Говорять, ты не позволяешь митрополиту поминать божественное имя царя въ диптихахъ. . . . Это нехорошо. *Святой царь занимаетъ высокое място отъ церкви; она не то, что другie, по-мѣстные князья и государи.* Цари въ началѣ упрочили и утвердили благочестіе во всей вселенной; цари собирали вселенскіе соборы; они же подтвердили своими законами соблюденіе того, что говорятъ божественные и священные каноны о правыхъ догматахъ и о благоустройствѣ христіанской жизни, и много подвизались противъ ересей; на конецъ, цари, вмѣстѣ съ соборами, *своими постановленіями* опредѣлили порядокъ архіерейскихъ каѳедръ и установили границы митрополичьихъ округовъ и епископскихъ епархій». И такъ, цари издаются обязательные для всего православнаго міра законы въ дѣлахъ церковныхъ, поддерживаютъ во всей вселенной церковное благочиніе и опредѣляютъ границы митрополичьихъ округовъ и епархій во всемъ православномъ мірѣ. Въ этомъ направлении проявлялась дѣятельность греческихъ царей и относительно Россіи. Такъ, императоръ Іоаннъ Кантакузинъ хрисовуломъ 1347 года²⁾ присоединяетъ епископію галицкой митрополіи къ кievской. Равнымъ образомъ, только византійскій императоръ получаетъ поставленіе отъ церкви на царство. Въ той же грамотѣ патріарха Антонія IV къ великому князю Василію Дмитревичу говорится³⁾: «И если, по Божію попущенію, язычники окружили владѣнія и землю царя, все же до настоящаго дня царь получаетъ тоже самое поставленіе отъ церкви, по тому же чину и съ тѣми же молитвами помазуется великимъ муромъ и поставляется царемъ и самодержцемъ Ромеевъ, т. е. всѣхъ христіанъ. На всякомъ мѣстѣ, гдѣ только имеются христіане, имя царя поминается всѣми патріархами, митрополитами и епископами, и этого преимущества не имѣеть никто изъ прочихъ князей и мѣстныхъ властителей». Собственно говоря, только повелитель

1) Сравни Русск. истор. библіотека, изд. Арх. Комміссією, томъ VI, стр. 272 приложений.

2) Русск. истор. библіотека, т. VI, стр. 14 приложений.

3) I. с., стр. 272 сл.

Ромеевъ можетъ считаться Богомъ даннымъ христіанству царемъ. По этому поводу Антоній IV разсуждаетъ въ грамотѣ къ Василію Дмитріевичу слѣдующимъ образомъ¹⁾: «Послушай верховнаго апостола Петра, говорящаго въ первомъ соборномъ посланіи: «Бога бойтесь, царя чтите», не сказать «царей», чтобы кто не сталъ подразумѣвать именующихся царями у разныхъ народовъ, но — «царя», указывая на то, что одинъ только царь во вселенной». Именующихся царями у различныхъ народовъ Антоній считаетъ узураторами. «Ибо если и нѣкоторые другіе изъ христіанъ присвоивали себѣ имя царя, то все эти примѣры суть нѣчто противуестественное, противузаконное, болѣе дѣло тиранніи и насилия». Общее опредѣленіе царской власти по ея отношенію къ церкви дается въ грамотѣ въ выраженіяхъ, весьма близко подходящихъ къ тѣмъ, съ которыми встрѣчаемся въ Эпанагогѣ. «Высочайшій и святой мой самодержецъ», говоритъ Антоній, «благодатію Божію есть православнѣйшій и вѣрнѣйшій поборникъ, защитникъ и отмститель церкви». Царская византійская власть соединена органическою связью съ вселенскою церковью. Всѣ народы, принимающіе христіанство, должны въ то же время признать и власть царя. «И такъ», пишетъ Антоній Василію Дмитріевичу, «нѣть ничего хорошаго, сынъ мой, если ты говоришь: «мы имѣемъ церковь, а не царя». Невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя. Ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собою и невозможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга».

Значеніе патріаршой власти опредѣляется въ грамотѣ Антонія IV во всемъ согласно съ началами Эпанагоги. Прежде всего патріархъ есть живой образъ Христа. «Ужели ты не знаешь», пишетъ Антоній Василію Дмитріевичу²⁾, «что патріархъ занимаетъ мѣсто Христа, отъ которого и посаджается на владычнѣй престолъ. По этому, сынъ мой, пишу, внушаю и совѣтую твоему благородію, чтобы ты также чтиль патріарха, какъ самого Христа». Даѣе, право учительства, обличенія и вѣщанія истины принадлежитъ вселенскому патріарху относительно всего христіанскаго міра. «Ибо», говорится въ грамотѣ³⁾, «мы блюстители божественныхъ законовъ и каноновъ, и обязаны такъ дѣйствовать по отношенію ко всѣмъ христіанамъ, въ особенности же по отношенію къ великимъ людямъ — князьямъ народовъ и мѣстнымъ

1) Русск. истор. библіотека, I. с., стр. 276 приложеній.

2) Русск. истор. библіотека, I. с., стр. 270 приложеній.

3) Русск. истор. библіотека, т. II, стр. 268 сл. приложеній.

властителямъ, каково твое благородіе. А какъ я поставленъ всеобщимъ учителемъ для всѣхъ христіанъ, то на мнѣ лежить непремѣнныи долгъ, въ случаѣ, когда услышу о твоемъ благородіи что либо такое, что вредитъ твоей душѣ, писать тебѣ объ этомъ, какъ твой отецъ и учитель, наставляя и убѣждая тебя къ исправленію». Наконецъ, въ грамотѣ Антонію, патріарху дѣйствуетъ постоянно въ единомысліи и согласіи съ царемъ¹⁾, совершенно такъ, какъ того требуетъ Эпанагога.

Что постановленія Эпанагоги, относящіяся къ царской и патріаршой власти, считались вплоть до паденія восточной римской имперіи дѣйствующимъ правомъ, видно изъ того обстоятельства, что они включены, какъ мы видѣли выше, во всѣ юридические сборники и компендіумы, возникшіе между X и XV столѣтіями. Въ особенности интересно для настъ включеніе этихъ положеній въ синопсисы Василикъ. Составители этихъ синопсисовъ имѣли въ виду изложить въ сокращенномъ видѣ и въ алфавитномъ порядкѣ содержащейся въ Василикахъ правовой матеріалъ и сдѣлать его такимъ образомъ болѣе доступнымъ для примѣненія въ судахъ. Но уже въ т. н. Большой Синопсисъ въ видѣ примѣчаній и сколій къ тексту внесены были правоположенія, не находящіяся въ Василикахъ, но содержащейся въ другихъ дѣйствовавшихъ тогда источникахъ права. Такъ и положенія Эпанагоги о царѣ и патріархѣ приписаны на поляхъ лейпцигскаго университетскаго и парижскаго № 1351 списковъ Большаго Синопсиса. Гораздо позже составленный т. н. Малый Синопсисъ излагаетъ въ текстѣ, на ряду съ другими правоположеніями, постановленія Эпанагоги о царѣ и патріархѣ. Весьма важно для дальнѣйшаго развитія византійскаго церковно-государственного права было, далѣе, внесеніе разбираемыхъ нами постановленій въ синтагму Власта, пользовавшуюся большими авторитетомъ у грековъ и въ позднѣйшее, слѣдовавшее за взятіемъ турками Константинополя время²⁾). Замѣчательно, что во всѣ эти сборники внесены главнымъ образомъ тѣ положенія Эпанагоги о царской и патріаршой власти, коими опредѣляется существоѣ этихъ властей, и опущены положенія, имѣющія

1) Ibidem. Съ своей стороны наша мѣрность, посовѣтовавшись съ высочайшимъ и святымъ моимъ самодержцемъ.

2) Въ правилахъ о царской и патріаршой власти, присланныхъ четырьмя вселенскими патріархами царю Алексѣю Михайловичу, синтагма называется книгой всеправильной великия церкви.

детальный характеръ. Въ особенности интересно включение въ упомянутые сборники главы 8 титула III Эпагоги, опредѣляющей дуалистический характеръ византійского государства и сливающей въ одно едино тѣло церковное и политическое общество. Мы видѣли выше, что эта глава послужила отправною точкою для ученія о вселенскомъ характерѣ царства Ромеевъ. Церковь вселенская, а слѣдовательно и сливающееся съ ней царство не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ вселенскимъ царствомъ. Рядомъ съ вселенскимъ патріархомъ ясно рисуется величественный обликъ вселенского царя, повелителя всѣхъ православныхъ отъ моря и до моря. Царство такъ же вѣчно, какъ и священство. Взятиемъ невѣрными Константинополя не могла быть упразднена самая царская власть. Благодать Божія съ необходимостью должна была опочить на новыхъ избранникахъ и помазанникахъ. Эти новые избранники должны заступить мѣсто древнихъ святыхъ греческихъ самодержцевъ и занять по отношенію къ вселенской церкви то положеніе, которое занимали цари Ромеевъ. Вотъ та філіація идей, которая привела самихъ грековъ къ перенесенію представленія о вселенскомъ царѣ самодержцѣ на московскихъ властителей.—Процессъ послѣдовательного усвоенія византійскихъ представленій о царской власти московскою Русью въ XV и XVI столѣтіяхъ обстоятельно разъясненъ въ послѣднее время г. Дьяконовымъ въ его изслѣдованіи о власти московскихъ государей. Въ виду этого въ послѣдующемъ изложеніи мы не займемся подробно исторіей этого усвоенія, а остановимся на исторіи греческихъ вліяній въ XVII вѣкѣ и на явленіяхъ и фактахъ свидѣтельствующихъ, что и ученіе о власти вселенского патріарха и отношеніи этой власти къ власти царской, въ томъ видѣ, какъ оно опредѣлилось въ Эпагогѣ и позднѣйшихъ памятникахъ византійского права, проникло также въ Россію.

Въ 1561 году вѣнчавшійся еще въ 1547 году на царство великий князь московскій Иоаннъ IV былъ утвержденъ въ санѣ царя соборною грамотою вселенского патріарха Іоасафа и духовенства восточной церкви. Въ этой грамотѣ царь московскій рассматривается какъ состоящій въ томъ же отношеніи къ церкви, въ которомъ состояли прежде греческіе цари. Замѣчательно, что патріархъ и соборъ называютъ Иоанна своимъ царемъ. «Сеже», читаемъ въ современномъ переводѣ грамоты, «сія наша благочестная грамота непоколебима и тверда дана, еже благочестивому, боговенченному и христолюбивому

*Царю нашему Господину Ивану*¹⁾). При этомъ, какъ видно изъ приведенного мѣста, церковь величаетъ его такъ, какъ величали греческихъ царей: благочестивымъ, боговѣнчаннымъ и христолюбивымъ. Далѣе, изъ предшествовавшихъ соборному дѣянію переговоровъ и сношеній видно, что, по настоянію Иоанна, имя его стало поминаться во всемъ православномъ мірѣ: точь въ точь, какъ прежде поминалось имя византійскихъ царей. А именно царь обращается къ патріарху съ слѣдующею просьбою: «И ты бъ молилъ Господа Бога и пречистую Его Матерь и святыхъ великихъ чудотворцовъ о нашемъ здравье и спасеніи, и о нашей Царице, Великой Княгинѣ Анастасии, и о нашемъ сыне Царевиче Иване, и о устроеніи всего православнаго крестьянства и еже избавитися намъ ото всякихъ врагъ, и помощи Божией сподобитися противу крестіянскихъ враговъ, а иже во блаженной памяти отпешшихъ родителей нашихъ... написать въ синодикъ и поминаль ихъ во вседневныхъ службахъ»²⁾). Патріархъ отвѣчаетъ: «А ныне Царствіе твое пишеть к намъ о семъ: соборне молити и поминати приснопамятныхъ твоихъ родителей; и въ соборной великой церкви написали имя твое и по воскресеніемъ соборне молять и поминаютъ со *прежъ бывшихъ царей православныхъ*, и впередъ поминанье ваше не престанетъ вѣчно і тезоподобиемъ совѣтуемъ въ западныхъ странахъ молити имъ и поминати о православныхъ душахъ, идѣ же есть пресвященный митрополитъ, и архиерпемъ *всѣмъ приказываемъ молити и поминати въ митрополияхъ своихъ вездѣ и имя твое написати въ соборнике*³⁾.

Такимъ образомъ опредѣлилось отношеніе московскаго царя къ вселенской церкви и къ вселенскому патріарху. Московскій царь занялъ мѣсто царя греческаго. Но для того, чтобы въ организаціи московскаго царства вполнѣ воспроизведена была организація святаго греческаго царства, необходимо было, чтобы на Москвѣ былъ свой патріархъ. И вотъ, царствованіе Феодора Иоанновича ознаменовалось учрежденіемъ на Москвѣ патріаршества. Съ этихъ поръ и на Москвѣ имѣлись на лицо тѣ «τὰ μέγιστα καὶ ἀναγκαιότατα μέρη τῆς πολιτείας», о которыхъ говорить глава 8 титула III-го Эпанагоги. Были и

1) Оболенскій, Соборная грамота духовенства восточной церкви, утверждающая санъ царя за Иоанномъ IV. Москва 1850, стр. 24. Ibidem, стр. 18, въ греческомъ подлинникѣ читаемъ «καὶ ἐπεδόθη (τὸ γράμμα) τῷ εὐτεβεστάτῳ εtc... βασιλεῖ ἡμῶν.... — Ср. обѣ этой грамотѣ Regel, *Analecta byzantino-russica*. Petropoli. 1891, стр. LI сл., 75 сл.

2) Оболенскій, Соборная грамота, стр. 32.

3) Ibidem, стр. 36.

попытки перенесенія вселенскаго патріаршаго престола въ Москву. Царь Феодоръ Іоанновичъ, по совѣщаніи съ царицей и боярами, по-лучилъ Годунову предложить прибывшему въ Москву вселенскому патріарху Іереміи быть на Владимірскомъ и всяя Руси патріаршествѣ, и только то обстоятельство, что Іеремія не захотѣлъ резидировать въ Владимірѣ, а пожелалъ пребывать на Москвѣ, помѣшало осуществленію этого плана¹⁾. Что здѣсь дѣло шло не о простомъ перемѣщеніи Іереміи съ цареградскаго патріаршства на московское, видно уже изъ того обстоятельства, что Іеремія мотивомъ того, что ему во Владимірѣ быть невозможно, указывалъ на то, что «патріархи всегда бывають при государѣ, а то что за патріаршество, что жить не при государѣ». Іеремія не могъ бы говорить такъ, если бы разсматривалъ московское патріаршество, какъ мѣстное. Вѣдь и въ старину трое изъ восточныхъ патріарховъ не жили при греческихъ царяхъ. При нихъ жили только вселенскій патріархъ, въ свою очередь считавшійся старшимъ изъ патріарховъ потому, что онъ занималъ святительскій престолъ «изукрашенаго», по выражению Эпанагоги, «царствомъ города». По завоеваніи турками Константиноپоля, вселенское царство было перенесено изъ Цареграда въ Москву, туда же должно было быть перенесено и вселенское патріаршество.

Хотя, такимъ образомъ, вселенское патріаршество не было перенесено на Москву, а московскій патріархъ былъ признанъ только пятымъ патріархомъ и ему вмѣнено было въ обязанность ставленною грамотою восточныхъ патріарховъ *первый имѣти и непещевати апостольскій престолъ константинопольскій*²⁾, тѣмъ не менѣе значеніе его совсѣмъ иное чѣмъ другихъ мѣстныхъ патріарховъ. Онъ патріархъ изукрашенного царствомъ города Москвы, третьяго Рима, патріархъ, пребывающій при вселенскомъ царѣ.

Интересно, для характеристики воззрѣній на царскую власть и отношеніе патріарха къ царю, помѣщенное въ печатной Кормчей сказаніе іерусалимскаго патріарха Феофана о поставленіи патріаршемъ Филарета Никитича. Про царя Михаила Феодоровича Феофанъ говоритъ «на негоже яко на древнихъ православныхъ греческихъ царей зря, возвеселися духъ мой зѣло» и высказываетъ желаніе «еще и враговъ святыя наша вѣры покорить поднозѣ благочестивому нашему христіянскому царю.... яко да той единъ будетъ царствуяй

1) Соловьевъ, Исторія Россіи. т. VII, стр. 406 и 407.

2) Такъ называемая «Поставленная грамота» Іову въ печатной Кормчей.

на вселеній, истинный христіянскій царь и владыка и самодержецъ и расточенное и многонасилуемое того царствіе собереть во едино и умножить и распространить отъ моря и до моря и отъ рекъ до конецъ вселенныя». Далѣе Феофанъ увѣщеваетъ царя «хранить къ патріарху любовь, милость, щедроты, благое подаяніе, наипаче же святительства ради въ духовныхъ вещехъ повиновеніе, яко отцу и учителю». Наконецъ, Феофану царство русское представляется имѣющимъ двухъ главъ: царя и патріарха. Обращаясь къ патріарху, онъ говоритъ, что будетъ возсылать молитвы о его сыне-царѣ, а также «и о вашемъ святительствѣ, и о всей *палатѣ вашей* и о всѣхъ повинующихся *святому царству вашему*».

При поставлениі патріаршемъ Никона, сей послѣдній, изъявляя свое согласіе на поставленіе себя въ патріархи, требуетъ отъ царя обѣщанія «исполнять евангельскіе доктрины, правила святыхъ апостоловъ и святыхъ отцовъ и законы благочестныхъ царей»¹⁾. Это почти дословная передача главы 4 титула II-го Эпанагоги. Знакомство съ правоположеніями, содержащимися въ Эпанагогѣ, сказывается также во всемъ дѣлѣ патріарха Никона. Такъ Никонъ, отвѣчая посланнымъ къ нему отъ государя въ 1659 году въ Воскресенскій монастырь Елизарову и Алмазу Иванову на вопросъ о томъ, почему онъ, въ письмѣ къ государю, дѣйствіе въ недѣлю вай, совершенное Крутицкимъ митрополитомъ, назвалъ прелюбодѣйствіемъ, выражается слѣдующимъ образомъ: «писаль онъ къ великому государю о дѣйствѣ вай потому, что безъ первого архіерея дѣйствовать о вай митрополитамъ не должно, а Крутицкій митрополитъ въ митрополитахъ меньшій; *первый архіерей во образѣ Христа, а митрополиты и архіепископы и епископы во образѣ учениковъ и апостоловъ....*»²⁾. Равнымъ образомъ, въ томъ же отвѣтѣ Елизарову и Алмазу Иванову, Никонъ съ особою настойчивостью указываетъ на то право и ту обязанность учителства и вѣщанія истины передъ царями, которая возлагаетъ на патріарха глава 4 титула III-го Эпанагоги³⁾. Никонъ по этому поводу говоритъ слѣдующее: «въ прежняя давнія лѣта ко благочестивымъ царямъ христіанскимъ греческаго царства объ исправленіи духовныхъ дѣлъ и пустынники возвѣщали, а онъ (т. е. Никонъ) есть членъ соборной и апостольской церкви, ни за какія вины не отторгнутый, только

1) Н. Гиббенетъ, *Изслѣдованіе дѣла патріарха Никона*. Спб. 1882. ч. I, стр. 9.

2) Ibidem, стр. 63.

3) Ibidem, стр. 64.

свою волею оставилъ паству, а попеченія объ истинѣ не оставилъ, и впредь, если услышитъ о какомъ либо духовномъ дѣлѣ, требующемъ исправленія, молчать не будетъ».

По поводу дѣла Никона возбужденъ бытъ также вопросъ о первенствующемъ значеніи константинопольского патріарха. Въ письмѣ къ царю Алексѣю Михайловичу Паисій Лигаридъ говоритъ, что нужно «сообщить обо всемъ константинопольскому патріарху, дабы онъ, какъ вселенскій судія, законнымъ порядкомъ могъ дать правосудное рѣшеніе въ толь важномъ дѣлѣ, отъ котораго страдаетъ общая слава всего государства»¹⁾). Затѣмъ, какъ извѣстно, царь Алексѣй Михайловичъ неоднократно сносился по дѣлу Никона съ вселенскимъ патріархомъ и просилъ его назначить экзарха для предсѣдательствованія на соборѣ, долженствовавшемъ судить Никона.

Наконецъ, въ документахъ, относящихся къ дѣлу Никона, прямо приводятся постановленія Эпанагоги о власти царской. А именно, въ «правилахъ, подписанныхъ четырьмя патріархами, касательно власти царской и патріаршой и привезенныхъ на Москву 30 мая 1664 г. іеродіакономъ Мелетиемъ», въ главѣ первой, на вопросъ, что есть царь, имѣется слѣдующій отвѣтъ: «отъ книги всеправильныя великія церкви въ 5 главѣ въ письмени «В» царь есть законное иѣкое преимущество, общая иѣкая благость всѣмъ подданнымъ ни по страсти природной добре творяй, ниже по противострасти казняй, но равномѣрнѣ добродѣтелемъ подданныхъ своя изливай благодати»²⁾). Очевидно, что приведенное мѣсто есть ничто иное, какъ глава 1 титула II-го Эпанагоги. Равнымъ образомъ, упоминаемая здѣсь «всеправильная книга великой церкви» тождественна съ синтагмой Властваря, гдѣ въ главѣ 5-ой литеры «В» излагаются положенія Эпанагоги (первыя три главы и начало пятой титула II) о царѣ. Далѣе, въ «правилахъ четырехъ патріарховъ» предлагается и толкованіе на приведенное изъ всеправильной книги правило. «Царю», говорится въ этомъ толкованіи, «подобаетъ да будетъ глава и верхъ ко всѣмъ членомъ, подчиненнымъ ему, ниже да приклоненіемъ любве побѣдится ко еже благотворити недостойнымъ добродѣяній, ниже ко еже зло творити достойнымъ чести страстью никою побѣжденному или ненавистю; но да яко праводѣлатель всяку преобѣдить страсть скверную и равно-

1) Ibidem, ч. II, стр. 8.

2) Ibidem, ч. II, стр. 671.

мърнѣ створить воздаяніе, ниже да добро творить всуе добротворенія необычнѣ, имиже благодѣянми почтени во тщету прочихъ обращаются во смятеніе, си рѣчь и безчиніе, паче же времянемъ и во противство благодѣтеля. Сего ради добрѣ разсуждати долженствуютъ царіе, еже не дати своея чести инымъ, ниже новствувати въ твореніи благодѣяній по оной притчѣ: не даждь иному чести твоєя, да не подвигнеши ось на тя». Затѣмъ, въ «правилахъ» излагаются въ слитномъ видѣ, какъ одно правило, главы 2 и 3 и начало 5 титула II-го Эпанагоги. Вотъ текстъ этого правила: «Намѣреніе царское есть, яко да веци пребывающія и бышествующія богатства добротою въ стражи и сохраненіи соблюдаутся: веци паки погибшія взыщутся уменденія кромѣ и тщаниемъ безсоннымъ, напослѣдокъ вещи, татбою похищенныя, мудростю и лѣпными обычай и разумными весма пристяжутся. Дѣло царское есть еже добре творити и того ради добротворитель глаголется по превосходженію; егда же отъ добротворенія мало престаетъ и лишается, является нѣкако по обычай глаголанія древнихъ—онъ царскій характеръ преобиждати. Зѣло убо преизященъ и пресвѣтель царь долженствуетъ быти и въ божественномъ рвеніи претепль». Интересно предложенное въ «правилахъ» толкованіе на это комбинированное правило, толкованіе, собственно говоря, относящееся не къ этому правилу, а къ предшествующему. «Отъ сихъ убо», сказано въ толкованіи, «собирается, яко царь есть господь всѣхъ подданныхъ своихъ, ожидающихъ отъ него дарованій и добротвореній, противныхъ паки казни. Аще убо кто царю видится противень быти, хотя есть и лице церковное, въ достоинствѣ вчиненное, не безъ ума бо мечь носить, но въ похвалу добретворящихъ въ гажденіе же злѣ дѣюшихъ, ибо mestникъ Божій есть, и того ради въ писаніяхъ предадеся: царя чтите и о царѣ мили ся дѣйте». Здесь ясно и опредѣленно проводится идея безусловнаго господства царской власти надъ всѣми безъ исключенія подданными. Этому господству подлежать и лица церковныя, не исключая и «въ достоинствѣ вчиненныхъ». Положеніе это развито въ слѣдующей главѣ «правиль» и примѣнено къ опредѣленію отношенія патріарха къ царю. Указанная глава начинается вопросомъ: «подобаетъ ли просто всѣмъ, напаче же мѣсто держашу епископу или патріарше подчиненну быти и повиноватися царю, царскую власть держашему и ея употребляющему, во всякихъ гражданскихъ вещехъ и прѣніихъ, тако во еже бы единому быти господу и начальнику, или ни? Отвѣтъ на этотъ вопросъ «правила четырехъ патріарховъ» не заимствуютъ, подобно тому, какъ

это дѣлается ими относительно отвѣтовъ на вопросы, содержащіеся въ первой главѣ, изъ синтагмы Властаря, этой всеправильной книги великой церкви. А между тѣмъ синтагма въ главѣ 8-ой литеры «*π*» трактуется о патріархѣ и приводить относящіяся къ патріаршѣ власти положенія Эпанагоги, причемъ дословно воспроизводить знаменитую 8-ю главу титула III Эпанагоги, признающую въ равной степени величайшими и главенствующими членами государства (*τῆς πολιτείας*) царя и патріарха. «Правила» не по незнанію не ссылаются на синтагму Властаря для опредѣленія отношенія патріарха къ царю. Дѣлаютъ они это намѣренно. А именно, въ столкновеніи патріарха Никона съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ восточные патріархи явно приняли сторону царя. Вотъ почему они и ставятъ царскую власть выше патріаршѣй. Правда, они вездѣ говорятъ о подчиненіи патріарха царю въ «гражданскихъ вещехъ», но изъ всей ихъ аргументаціи видно, что царь, по ихъ воззрѣнію, вообще возвышался надъ патріархомъ и вообще главенствовалъ надъ нимъ. Это явствуетъ и изъ того обстоятельства, что, между тѣмъ какъ патріархи безусловно требуютъ отъ патріарха обѣщанія сохранять вѣрность и «благохотѣніе» къ царю, они не только не требуютъ того же отъ царя, но даже объявляютъ предъявленіе такого требованія со стороны патріарха къ царю недостойнымъ и неправеднымъ, т. е. противнымъ праву, законамъ и канонамъ. А именно въ главѣ 3-ей «правиль» предлагается слѣдующій вопросъ: «Есть ли достойно и праведнѣ нужно еже патріарху, давшу вѣру свою царю писаніемъ равнѣ истязати отъ царя писанія во знамя вѣрности?» На этотъ вопросъ патріархи отвѣчаютъ слѣдующимъ образомъ. Апостолъ повелѣваетъ «вся творити чинно», т. е. по строго установленному порядку, а какой быль бы это порядокъ, если бы патріархъ требовалъ отъ царя клятвенной записи, хотя бы въ самомъ незначительномъ дѣлѣ. Если бы это случилось, то, принимая во вниманіе, что царь есть также главенствующее надъ всѣми людьми начало, оказалось бы, что въ единомъ царствѣ существуютъ два начала равной силы, въ равной степени одно другому подчиненные и независимо одно отъ другаго законодательствующія. Отсюда произошло бы смятеніе и разореніе царства¹⁾). Здѣсь патріархи развиваютъ весьма по-

1) *Ibidem*, часть II, стр. 674. Вотъ подлинный отвѣтъ патріарховъ: Вопіющу апостолу: вся творити чинно; кій убо чинъ сохраненъ быль бы, аще бы патріарха истязатъ писанія отъ царя, аще бы и о малѣйшей вещи, ибо царю основаніо людей сущу, аще бы что сице во приключило бяше, уже бы послѣдовало два быти начала себѣ подчиненная

следовательно, ясно и определено учение о невозможности существования въ государствѣ двухъ равныхъ одна другой властей, т. е. двухъ верховныхъ властей, учение, какъ разъ противоположное изложенному въ главѣ 8 титула III Эпанагоги.

«Правила четырехъ патріарховъ» послужили исходною точкою для собора, рѣшившаго дѣло Никона. Такимъ образомъ, официально приято было на Москвѣ учение Эпанагоги о царѣ и официально же установленъ былъ противоположный находящемуся въ Эпанагогѣ взглядъ на отношеніе патріаршой власти къ царской. Впрочемъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что восточные патріархи въ своихъ «правилахъ» устанавливали отношеніе *мѣстнаго московскаго патріарха* къ московскому царю, считавшемуся въ то же самое время царемъ вселенскимъ, прямымъ наслѣдникомъ святыхъ греческихъ самодержцевъ. Вотъ почему они могли считать себя въ правѣ игнорировать и не примѣнять въ данномъ случаѣ положенія Эпанагоги, относящіяся, какъ указано выше, къ определенію отношеній *вселенскаго патріарха* къ вселенскому царю.

Положенія Эпанагоги, на которыя ссылаются восточные патріархи въ своихъ правилахъ, не были чѣмъ либо новымъ, неизвѣстнымъ московскому обществу того времени. Какъ мы видѣли, положенія эти вошли въ синтагму Властаря, а сія послѣдняя хорошо была извѣстна на Москвѣ. Уже относительно XV вѣка можно съ достовѣрностью предполагать, что синтагма, если не въполномъ перевѣдѣ цѣлаго ея состава, то, по крайней мѣрѣ, въ отрывкахъ и, во всякомъ случаѣ, въ греческомъ подлиннике сдѣлалась извѣстною въ Россіи. Въ началѣ XVI вѣка былъ уже сдѣланъ неизвѣстнымъ лицемъ полный переводъ синтагмы на славянскій языкъ; переводъ этотъ, какъ можно заключить изъ словъ знаменитаго чудовскаго монаха Евфимія, вторично переведшаго синтагму при патріархѣ Адріанѣ, былъ весьма распространенъ на Москвѣ¹⁾). Кромѣ того положенія Эпанагоги были из-

во единомъ царствѣ равныя моющи и законодаянія. Оттуду паки востаютъ смятенія, аще же гдѣ смятевія, тамо и растѣніе. Того ради и праведнѣйшая уста Христова глаголаша: всякое царство раздѣлившася разорится: тако еже аще бы кто сице просилъ, лести было бы и измѣны знамя и человѣка миръ подкрадающа, и есть убо нужда да такое лицо весьма отдалится и отженется, яко царской власти противящееся и не-повинующеся. Собирается тожде и отъ шестьдесятаго титла царскаго узаконенія, повелѣвающаго никакоже свободу имѣти церковному представителю, еже взысковать отъ царя сицеаго обѣщаніа... да не обрящется едино на двое раздѣлено и оттуду да не посѣдствуетъ совершенное растѣніе.

1) Сравни Ильинскій, Синтагма Властаря. Симферополь 1892, стр. IV—VII.
Бизантійскій Временник.

вѣстны московской Руси не только въ извлеченіяхъ, находящихся въ синтагмѣ Властаря, но и въ полномъ ихъ составѣ. А именно, въ 1653 году по желанію патріарха Никона Епифаніемъ Славеницкимъ переведено было Леунклавіево *Jus Graeco-Romanum*¹⁾. Въ составѣ этого сборника находится такъ называемая 'Ехлсѹгъ тѡн нбмѡу Льва и Константина, долгое время считавшаяся подлинной Эклогой исаврійскихъ императоровъ, но оказавшаяся, согласно повѣйшимъ изслѣдованіямъ, юридическимъ компендіумомъ, составленнымъ изъ первыхъ девяти и одинадцатаго титула Эпанагоги и изъ настоящей Эклоги исаврійскихъ императоровъ. Въ своемъ переводѣ, какъ свидѣтельствуетъ приведенное Розенкампфомъ въ его «Обозрѣніи кормчей книги» (изданіе 2, 1839 г., стр. 437) оглавленіе этого перевода, Славеницкій цѣликомъ помѣстилъ и титулы 2 о царѣ и 3 о патріархѣ. Для Никона въ особенности важенъ былъ этотъ переводъ. Когда во времія моровой язвы первоначальный трудъ переводчика утратился, то, по настоянію Никона, Славеницкій вторично принялъся за работу. «За грѣхи же наши Божіимъ полущеніемъ», говорить Славеницкій въ введеніи къ своему труду, «наставши чрезъ тлетворный воздухъ моровому губительству, и въ то времія, тѣй переведеннѣй книгѣ изгиблей, егдаче благоволеніемъ Божіемъ преставшу тлетворному оному губительству: книзѣ же оной много исканной, не обрѣтшайся же, *паки прошеніемъ купно и понужденіемъ молительнымъ люботщателя, того же Кргъ Никона Святѣшаго Патріарха*, вторицею изъ Еллинскаго на Славенскій діалектъ священная сія книга Арменопулъ переведеся»²⁾. Само собою разумѣется, что Никонъ, — и это мы видѣли выше, — не игнорировалъ, подобно тому, какъ это дѣлали восточные патріархи, положеній Эпанагоги о власти патріаршѣй, а напротивъ того стремилъся занять относительно царя положеніе, соотвѣтствующее тому, которое признается за патріархомъ главой 8-ой титула III Эпанагоги.

Традиціонныя византійскія воззрѣнія на царство и патріаршество, основаныя главнымъ образомъ на Эпанагогѣ, нашли себѣ вѣрное и отчетливое выраженіе въ относящейся къ концу XVII и началу XVIII вѣка перепискѣ іерусалимскаго патріарха Досиоа съ московскимъ прави-

1) Сравни А. Энгельманъ, Объ ученой обработкѣ греко-римского права. Спб. 1857, стр. 27.

2) Славеницкій потому называетъ переводимую имъ книгу Арменопуломъ, что она начинается «Сокращеніемъ каноновъ», или, какъ выражается Славеницкій, «священными и божественными правилами по пресъченію названного Солунскаго правовѣда.

тельствомъ¹⁾). Изъ этой переписки видно также, какъ твердо установилось на Востокѣ возврѣніе на русскаго царя, какъ на преемника византійскихъ цезарей и властителя всего православнаго христіанскаго міра.

Подобно Эпанагогѣ, Досиоѣй цѣль царской власти видѣть въ томъ, чтобы царь былъ общимъ благодѣтелемъ и защитникомъ православія. Святые и Богомъ вѣнчанные цари, пишеть онъ въ 1692 году, имѣютъ обязанность явиться общими благодѣтелями и наипаче оборонителями православныхъ, отомстителями за сущихъ въ православной вѣрѣ и, просто сказать, помощниками и обновителями христіанства и православія²⁾). Въ особенности царь долженъ наблюдать, чтобы догматы вѣры оставались неизмѣнямы и непоколебимы такъ, какъ они установлены въ священномъ писаніи и ученіи св. отцевъ. «Православный самодержецъ», пишетъ Досиоѣй въ 1696 году патріарху Адріану, «защитникъ зовется и содержатель православнага вѣры не въ иѣчесомъ, но во всемъ добрѣ отъ св. отецъ опредѣленномъ, недопущая ни единаго новоразсѣцати и новоуставляти ниже въ малѣйшемъ чесомъ»³⁾). Это обличаетъ несомнѣнное знакомство съ Эпанагогой. Всѣ означенныя обязанности относительно всего православнаго міра, всѣхъ православныхъ церквей Досиоѣй возлагаетъ на царей московскихъ, которыхъ называется воеводами и блюстителями въ православіи. Какъ патріаршаго, такъ и царскаго достоинства обязанность, говорить онъ, состоять въ томъ, чтобы имѣть попеченіе о всѣхъ церквахъ, ибо не имѣть православныхъ родъ, кромѣ васъ, превеликихъ и равнопостольныхъ, иного воеводы и блюстителя въ православіи. Вполнѣ вѣрно также высказанное недавно Каптеревымъ замѣчаніе⁴⁾), что Досиоѣй смотрѣть и на московскаго патріарха, какъ на имѣющаго въ извѣстныхъ случаяхъ общеправославное, вселенское значеніе, вслѣдствіе близости къ главѣ всего православнаго міра — царю, и возможности воздѣйствовать на царя въ томъ или другомъ направленіи. «Братская твоя любовь», пишетъ въ 1700 Досиоѣй патріарху Адріану, «есть уже митрополитъ московскій, да объемлются въ единой епархіи твоей попеченія твоя и труды твои, и сый.... патріархъ, и имѣши

1) Сравни Каптеревъ, Іерусалимскій патріархъ Досиоѣй въ его сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ. Москва 1891.

2) Ibidem, стр. 8.

3) Ibidem, стр. 79.

4) Ibidem.

свойствено, якоже и протчіе святѣйшіе имъють патріархи, сирѣчь, попеченіе всѣхъ святыхъ церквей¹⁾). Впрочемъ, значеніе вселенскаго патріарха безусловно признается Досиоемъ за константинопольскимъ патріархомъ. Онъ называетъ его «всесвятѣйшимъ» и ставить во главѣ другихъ патріарховъ²⁾.

И такъ, русская политическая мысль находилась вполнѣ подъ вліяніемъ греческихъ воззрѣній на существо и задачи государства, царства и патріаршества въ томъ видѣ, въ какомъ эти воззрѣнія нашли себѣ выраженіе въ положеніяхъ Эпанагоги. На московскихъ властителей греки переносятъ все то, что было законоположено у нихъ о святыхъ *вселенскихъ царяхъ* самодержцахъ. Московское общество усваиваетъ себѣ греческія воззрѣнія. Назрѣваетъ мысль о необходимости рядомъ съ царствомъ патріаршества. Оно учреждается на Москвѣ и не достигаетъ *вселенскаго* значенія только въ силу особыхъ историческихъ обстоятельствъ, приведшихъ также къ замѣнѣ патріаршества современными русскими церковными учрежденіями въ императорскій періодъ нашей исторіи.

Значеніе греческихъ вліяній на политическія воззрѣнія московского общества XVII вѣка констатируется и противникомъ этихъ вліяній Юріемъ Крижаничемъ. Въ перечисленіи «обидъ, творимыхъ греками на словенцевъ» приводится *injuria* 18, состоящая въ томъ, что «*ipsi* (т. е. *Graeci*) *suis vanis adulationibus dedecore affecerunt hoc regnum. Persuadendo ei assumere vanam appellationem, et vana insignia vanissimi regni Romani*»³⁾. А въ раздѣлѣ 60-мъ своего сочиненія, трактующемъ о политической ереси или фантастической гипербазиліи, Крижаничъ упрекаетъ грековъ, что они, развивъ, подобно нѣмцамъ, ученіе о всемірномъ, вселенскомъ государствѣ, принесли его къ намъ и увѣрили нась, что государи наши получили свою власть отъ царей греческихъ. «Греки», говоритъ Крижаничъ, «ревнуючи нѣмцамъ начали суть и они таковыя же гнилые рыбы продавать. Царь Мономахъ е прислать къ нашему краю Рускому, ко Владиміру Второму, кралевскія знаковини. Еремій патріархъ, пришедъ на Русь, назвалъ е Москву третьимъ Римомъ. А царь Иванъ Васильевичъ бывши отъ Бога возвышенъ многими народныхъ враговъ побѣдами, и хотячъ

1) Ibidem, стр. 86.

2) Ibidem, стр. 89.

3) Русское государство въ половинѣ XVII вѣка, рукопись временъ царя Алексея Михайловича. Открыта и издана П. Безсоновъ. Москва 1860, ч. II, стр. 217.

себѣ пріять именованіе достойно своего величества, возгордиль е правымъ словенскаго языка именомъ Краль, и назвалъ себе латинскою рѣчию Царь¹⁾). Это желаніе продолжать обрѣченное отъ Господа на погибель царство римское Крижаничъ считаетъ великимъ грѣхомъ, однимъ изъ такихъ «propter quae Deus punit reges et regna». Онъ говоритъ, что одною изъ причинъ, доселѣ всего болѣе мѣшавшею счастливому преуспѣянію русскаго царства, была слѣдующая. Богъ предвозвѣстилъ чрезъ Даниила, что государство римское должно быть разрушено: а мы хотимъ его восстановить. «O insaniam», восклицаетъ Крижаничъ. «Nos sic agendo nescimus aestimare gratiam Dei nobis datam. Deus excitavit hoc regnum ultimum inter alia regna: et dedit ei potentiam, sicut et aliis... At nos gratiam Dei spernimus: et gloriam nobis a Deo datam, non a Deo, sed quasi ab Romanis acceptam praedicamus»²⁾). Вотъ почему въ той бесѣдѣ, которую онъ совѣтуетъ царю имѣть для лучшаго устроенія земскаго «съ жителемъ всего краевства», онъ полагаетъ необходимымъ помѣстить отречение отъ греческихъ традицій власти и обоснованіе власти на непосредственномъ дарѣ Божіемъ и національныхъ началахъ. Въ заключеніе считаемъ необходимымъ еще разъ указать на то, что полемика Крижанича противъ грековъ важна для исторіи усвоенія греческихъ политическихъ идей московскимъ обществомъ XVII вѣка главнымъ образомъ потому, что она выясняетъ, какіе глубокіе корни пустили эти идеи въ государственномъ правосознаніи того времени.

Во второй половинѣ настоящей статьи мы старались выяснить значеніе церковно-политическихъ идей, заключающихся въ Эпанагогѣ, для московской Руси. Значеніе это можетъ быть точно определено. Московская Русь, ознакомившись съ этими идеями изъ находящихся въ синтагмѣ Властаря и Леунклавіевомъ *Jus Graeco-Romanum* извлеченіи изъ Эпанагоги, — и, быть можетъ, и изъ перевода самой Эпанагоги, на существование которого указываютъ находящіеся въ печатной Кормчей фрагменты, — получила въ нихъ основаніе для определенія началъ заимствованного ею у Византіи государственного права. Обыкновенно историки-юристы утверждаютъ, что въ московскомъ правѣ не встрѣчается определеніе верховной власти, что существоѣ этой власти впервые определено законами императорскаго пе-

1) Ibidem, стр. 291.

2) Ibidem, стр. 244.

ріода. Это вѣрно только въ томъ смыслѣ, что въ *отечественныхъ* законодательныхъ памятникахъ московскаго времени въ дѣйствительности не встрѣчается опредѣленія царской власти. Но московская Русь находилась въ обладаніи такого опредѣленія въ положеніяхъ Эпанигоги о царѣ, давно ей извѣстныхъ изъ синтагмы Властаря и кромѣ того официально ей сообщенныхъ въ «правилахъ четырехъ патріарховъ». Правда, это опредѣленіе не вполнѣ выражало существо власты московскихъ государей. При рецепціи греко - римскаго воззрѣнія на царскую власть произошло, какъ вообще при рецепціяхъ, своеобразное сочетаніе реципируемыхъ началъ съ національными, сложилась новая оригинальная формація юридическихъ идей и воззрѣній. Московский государь былъ въ одно и то же время и національно-русскимъ и вселенскимъ царемъ, онъ воплощалъ въ себѣ и идею единства русскаго народа и идею единства всего православнаго христіанскаго мира.

Проф. Вл. Сокольскій.